

Сергий Чернец
Собрание сочинений

Том второй. Рассказы и эссе

Сергей Чернец

Собрание сочинений. Том второй. Рассказы и эссе

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21548640
ISBN 9785448326677*

Аннотация

Собрание сочинений рядового писателя включает в себя рассказы и повести, написанные на протяжении нескольких лет. В своих рассказах писатель описывает жизненные ситуации, которые мы не замечаем, а если видим, то проходим мимо. Его герои отчасти списаны с его жизни. Жизнь страшно интересная, именно страшная иногда, но интересная. Некоторые рассказы представлены в номинации на премию «Писатель года» 2014, 2015, и 2016 годов.

Содержание

Собрание сочинений	6
Детские годы	7
НЛО – инопланетяне	7
Способности от того, что я видел НЛО	11
НЛО	14
Как я полюбил химию	21
Школьные годы чудесные...	24
Пролог. Как правильно писать сочинение	24
Пионер	29
Событие из провинции, где строили Храм	36
Жарким летом	45
Полусказочные повести	49
Вступление	49
С чего все началось Или Как это произошло	51
«Феи и Эльфы» или наоборот «Эльфы и Феи»	54
«Лесовик»	62
«Судьба» – окончание	65
Геологи	69
Вступление	69
Часть 1	70
Часть 2	75

Часть 3	78
Документальный рассказ	84
Объяснение	84
Местность	85
Люди	87
События	88
Разговор о внуках	94
Прибыли внуки	100
Лес и малина	108
Петя Иванов	117
Сказки	127
Предисловие от автора	127
Про Змея Змеевича	135
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Собрание сочинений
Том второй.
Рассказы и эссе
Сергий Чернец

© Сергий Чернец, 2016

ISBN 978-5-4483-2667-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Собрание сочинений

Том 2

Детские годы рассказы о детях

НЛО – инопланетяне

Решил поделиться: я видел НЛО. Или тарелка или что-то другое. Но видел то я не один, а вместе с толпой людей и свидетелей. И, наверное, эта встреча с неопознанным объектом возымела какое-то влияние на всю мою последующую жизнь. Я вдруг, неожиданно, стал обладателем необычных способностей, но об этом чуть попозднее, а пока приведу выдержку из энциклопедии, – что же такое НЛО.

Неопознанный летающий объект (НЛО) (англ. *Unidentified flying object, UFO*) – наблюдаемый объект, напоминающий летательный аппарат, принадлежность которого не опознана земными наблюдателями.

Наиболее полное определение НЛО дал исследователь непознанного Джозев Аллен Хайдек: «восприятие объекта или света, видимого в небе или космосе либо над земной поверхностью; феномен, призрак, траектория, общая динамика и характер свечения которого не находит логического, общепринятого объяснения, является тайной не только для

очевидцев, но и остаётся необъяснённым даже после пристального изучения всех доступных свидетельств специалистами, способными, если это возможно, идентифицировать явление с точки зрения здравого смысла».

Иначе говоря, если появляется сообщение о наблюдении над землёй какого-либо странного явления, и случай не был отождествлён ни с каким известным науке метеорологическим или астрономическим явлением, а также не было установлено доказательств фальсификации, – то говорят, что речь идёт о *неопознанном летающем объекте* (НЛО). Если же объяснение явлению найдено, то говорят об *летающих объектах* (ОЛО). Большинство летающих объектов всё же находит объяснение и становится ОЛО.

Из всех сообщений о неясных летающих объектах неопознанными остаются только 5—10%. Некоторые объекты остаются неопознанными только лишь из-за недостатка информации о них.

Поскольку из задокументированных случаев наблюдений летающих объектов некоторые опознать не удалось, наибольший скептицизм обычно вызывают не сообщения о наблюдении чего-то неопознанного, а утверждения об инопланетном происхождении объектов.

Во многих странах (в том числе США и СССР) случаи наблюдения НЛО фиксировались уполномоченными военными и гражданскими государственными структурами, в том числе в рамках действия засекреченных специальных прави-

тельствственных программ (Проект «Синяя книга и ААЯ).

В разных странах существует множество общественных инициативных организаций и энтузиастов, занимающихся регистрацией и аналитикой явлений НЛО, в том числе в России – это Космопоиск.

Итак, что же произошло? А дело в том, что память о событии отрывочная осталась. И я все никак не могу вспомнить – где же это было, когда. Я помню людей, которые были рядом, их как будто много было, толпа. И из этой толпы, помнится, справа от меня, была моя одноклассница. Только фамилия её четко запомнилась: Татарина, имя уже забыл. Затем, будто бы, старичок, кажется дед деревенский сосед. Но как они могли тогда вместе оказаться – не могу знать.

Вечером, к полуночи поближе, мы будто бы выбежали из какого-то длинного барака или помещения.

Может быть, это было в пионерском лагере (я все думаю: где же это было?). А на улице лежали бревна штабелем: это я был в Свердловской области, в поселке, где рубили лес. Но там могли быть люди другие, а дед и одноклассница не могли быть там.

На улице, около возвышенности (или у штабеля бревен, или просто у пригорочка из земли), мы всей толпой смотрели в небо. А там яркое светящееся явление: это было круглое спереди и треугольное летящее чудо. А свет от него шел во все стороны и закруглялся. Будто летела какая-то ракета –

так казалось. Потому что лучи выходили из заднего катета светлого треугольника.

Не было звука. Во всей природе всё замерло. Это явление, осветившее всё вокруг голубоватым светом, остановилось и не двигалось некоторое время. И люди замерли. А я их пытался расшевелить. Я обращался сначала к однокласснице своей: «ты видишь, ты видишь?!» – говорил я в восторге и с улыбкой. Она не отвечала, а только кивала в ответ. Так же я обратился в другую сторону, к деду: «вот, а говорят, не бывает „тарелок“, мы видим же, видим!».

И будто бы только я один воспринял это явление так живо и реально. Другие люди, после того как оно удалилось, забыли всё. Этот свет исчез, так же как и появился – небо потемнело, и появились звезды настоящие, и луна осветила окрестности. Продолжалось всё недолго: сначала треугольник с круглым носом появился на горизонте сразу большой и со светом позади себя. Он завис на некоторое время: не могу сказать насколько: всё в том момент остановилось: и звуки и люди и мухи замерли в полете, только я один был активен, будто бы. А потом он полетел дальше, выше и выше в небо, под углом в 45 градусов к земле, и неожиданно пропал.

Сразу зажглись звезды, ночь повеяла прохладой, кажется, осень была, или август месяц. Птицы начали в лесу далеко свои ночные песни: «угу, угу» – ухала сова, «ай-уа» – крикнула из оврага другая птица. Зашумели сверчки или другие какие-то насекомые в траве. Это я помню. Но дальше что

было – увы, забыл.

Способности от того, что я видел НЛО

Был случай, или одно обстоятельство. У каждого ребенка есть свой талисман, любимый предмет: у кого-то это игрушка, кукла, машинка. А у меня была талисманом иностранная монета. Откуда и как она попала ко мне, точно не помню. Кажется, кто-то из друзей одноклассников дал её мне. У Гришки Чемоданова отец ездил в Венгрию, он каким-то инженером был. А у Хорошавина мать работала где-то в министерстве и знала иностранные языки, и тоже ездила куда-то за границу. Не могу припомнить.

Но после того, как я сжимал этот «иностранный рубль» в руке (я даже не знал какой страны «деньга» и как называется), – я загадывал желание. Я ложился спать с монетой, зажатой в руке, и мне снились «вещие» сны, которые часто сбывались, через некоторое время. Происходило какое-то событие в жизни и я, вдруг, узнавал что-то знакомое – видел, что это же было в моем «вещем» сне. Например, мы шли всем классом в кино (были такие школьные мероприятия), и с кем я сяду рядом, кто упадет, и как мы увидим на улице аварию – столкновение автобуса с грузовиком, – всё это я знал заранее. Я специально прятался с товарищами, которые курили, в туалете, чтобы задержать весь класс: нас искала наша учительница. Только для того, чтобы мы не сели на тот автобус,

который столкнется с грузовиком.

Эту супер способность я приписывал тогда, в детстве, моему талисману – монете другого государства. Я тогда будто не знал, забыл совсем, про НЛО. Только потом я понял, что я видел НЛО в пионерском лагере, и это было немного другое событие. Само видение всегда мне вспоминается одинаковое: Это как летящая комета, с большим хвостом, который лучами своими освещает всю окрестность. Сама же «ракета» – это треугольник, передний угол которого закругленный.

А вот люди вокруг, и обстановка, всякий раз была, представлялась мне, разной. Это если детское воспоминание брать, – то пионерский лагерь и двухэтажное здание корпуса. Мы видим в окно свет и выбегаем на улицу. Всякий раз к какому-то препятствию или к валу из земли, или штабелю из бревен (если воспоминания сегодняшние брать).

С появлением талисмана в своем детстве, а это было лет в 12, когда мы стали изучать немецкий язык в школе, в пятом классе, – я стал такой-некий «рационалист». Всё начал оценивать с практической точки зрения: какая польза может быть от того или иного действия, события, мероприятия. Неожиданно для всех, я стал посещать библиотеку и много стал читать книг. А был раньше, как все, – играл в футбол, в хоккей, бегал с пацанами везде....

Читая книги, я начал философствовать и рассуждать как-то глобально, что-ли. Это привело к религии. И я прочитал книги про религию древней Индии, понравились законы царя Хамурапи. Тут же прочитал про Йогу, потом про Будду и буддизм. И, конечно, прочел и Библию, немного про Христианскую историю. А когда взял Жития Святых, – то они показались мне сказками и наивными мифами, – такими же наивными, и даже наивнее, как рассказы про Кришну, Арджуну – так как я уже прочитал Бхагаватгиту.

Библиотека – это особый случай. Это была «Центральная научная республиканская библиотека» – там, в хранении, были все книги, которые когда-либо приходили в Республику. Вот что стало моим хобби.

После школы я не бежал уже во двор играть с ребятами в хоккей, а ехал на автобусе в центр города и заходил в читальный зал по билету. Так как у меня не было паспорта, я взял у мамы записку-доверенность и её паспорт, чтобы получить читательский билет в эту библиотеку. Ходил я в большой читальный зал, где соблюдалась тишина и разговаривали люди шепотом, вполголоса. Тут я видел не только молодежь, многочисленных студентов, видел пожилых профессоров из университета и институтов. Встречал и учительницу из своей школы: она училась заочно и ходила в «Центральную научную библиотеку» работать, – то ли курсовые работы..., то ли, даже, над диссертацией работала.

Читал я много фантастики. Начинал с Жюль Верна, но чи-

тал не одни приключения. А есть такой ежегодник – «Сборник научной фантастики». В нем печатают короткие рассказы разных писателей-фантастов, и в основном зарубежных. Из сборников я узнавал имена писателей, а потом в большом каталоге искал их большие книги. Вообще каталогом я пользовался часто и заказывал из книгохранилища разные книги. Читал даже труды Аристотеля, старые книги, 1800-х годов издания, с трудом преодолевая язык с «ятями» и «ерами». Пришлось для начала взять книгу «Церковнославянского языка учебник», и такой нашелся в научной библиотеке.

Все взрослые очень одобряли мое увлечение книгочитанием. И учителя и родители поддерживали мою любовь к литературе, к чтению. Но, представь, – какая «каша» собралась в моей юной голове.

НЛО

Это был тот самый период, когда формируются привычки и представления о жизни у человека. Переходный возраст, обычно считается – 14 лет, его называют трудным возрастом. В этот период человек увлекается всем-всем, ему всё интересно. Я начал всё немного раньше – в 12, (и, думаю, виной тому то самое явление НЛО), и среди одноклассников был намного взрослее их. Понимал всё яснее и лучше.

Способности обнаружили совершенно случайно. Ко-

нечно, главная способность заключалась в том, что всему я обучался быстро и кардинально. Память была строго избирательна: я не запоминал имен, цифры, мелкие события, не влияющие на мир. Впитывал только то, что было важно, – я так думаю.

Я обратил внимание на прохожих. На людей, идущих с главной улицы во дворы. Так, например, шла женщина из магазина с сумками и авоськой с продуктами. И я подумал про себя, проходя за ней во дворы, – что, вот, она пойдет сейчас во второй подъезд дома. И точно. Она прошла первый подъезд и зашла во второй. Я шел из школы квартала три дворами, мимо длинных домов с шестью и двенадцатью подъездами и стал проверять свое «предвидение». И всегда «угадывал», знал точно, в какой дом и в какую дверь войдет человек. А еще я знал, что вот тут (там-то), – идущий впереди меня человек споткнется. И многое другое я мог «предвидеть» вперёд.

С чем это связано я узнал чуть позже. А это связано со Временем. Время можно останавливать, можно ускорять, и можно выйти из времени и наблюдать событие со стороны, затем вернувшись в себя, (зная, что произойдет), можно изменить ход событий! Вот, наверное, это одна из способностей подаренная мне от той встречи с НЛО.

Было модно тогда, в 1970-е, заниматься аутотренингом. Это когда учили сидеть и расслабляться – самому себе говоря и внушая слова-заклинания: я спокоен, мне тепло и все

мышцы мои расслабляются, я отдыхаю и так далее. И этим я увлекся тоже, поначалу. Но, вскоре, нашел я книги для занятий йогой. Всё в той же библиотеке, в читальном зале, и я их переписывал, картинки перерисовывал, чтобы потом дома заниматься. По утрам я стал «встречать солнце», выполняя упражнения «Сурья намаскар». Я занимался и дыханием Цигун, тоже по книжке, переписанной. Узнал, например, что дыхание бывает трех видов: животом дышат мужчины (диафрагмой), грудью (когда вздымается и опускается грудная клетка) дышат женщины; и совместно можно глубоко и полно вдыхать, поднимая и плечи и грудь и животом растягивая диафрагму (этот вдох применяется очень редко).

Потом, я уже научился и мог видеть ауру человека. Для этого тоже нашлась соответствующая литература. Вкратце, это выглядит так: сначала смотреть надо на тень, отбрасываемую человеком на ровную поверхность стены. И по тени можно различить некоторое свечение, которое за краем тени. Потом, такое же свечение над реальным человеком может увидеть наблюдатель.

Зрение развивается постепенно. Аура имеет расцветку. И всем этим я увлекался довольно долго, пока не случилось событие, перевернувшее мою жизнь. Я потерял талисман.

А перед этим мне было сказано: «Когда потеряешь этот талисман, – сказала бабушка, – то можешь умереть». И вдруг я потерял. Я долго мучился (переживал), боялся смерти. И-таки, накаркала мне та бабушка.

А нашел я эту бабушку-знахарку-гадалку (как сейчас ска-
зали бы – экстрасенс-шу) через Церковь. Вернее, люди око-
лоцерковные мне подсказали.

Раньше наша страна была не совсем уж атеистична. Хотя
и была отделена Церковь от государства в 1917 году, и была
«борьба с религией», но верующие были. В самом городке
нашем Церквей не было. Но рядом, в большом пригородном
селе, был старинный Храм, который никогда не закрывался,
ни даже во времена послереволюционной борьбы атеистов.

И когда я читал литературу про различные религии, я
не мог найти, чтобы посмотреть вживую, – ни Буддийские
дацаны, ни, тем более, Индийские ашрамы. А вот прочи-
тав всю Библию целиком – чисто как художественную кни-
гу, – решил я посмотреть христианский Храм, что там и как.
В Церкви было много бабушек, как всегда во все времена.
И меня увидели: мальчика с озабоченным лицом, будто горе
у меня какое-то.

А я и тогда, в детстве, и сейчас до сих пор, так выгляжу.
Как будто только что рыдал, с заплаканными глазами и с ли-
цом бледным, аж с синевой на худых щеках.

И тогда (в тот раз) бабушки подумали, что я нуждаюсь
в каком-то лечении, психологическом уж точно. Это они на-
правили меня к бабушке, которая жила в том селе, на са-
мой его окраине, на дальнем заброшенном конце. Дорога ту-
да и та была грунтовая, хотя село это (на самом деле) – по-

село городского типа.

В этом поселке и дома стояли четырехэтажные, и фабрика работала какая-то. Были ателье по пошиву (я проходил мимо), парикмахерские и даже ресторан был, не считая столовых. На окраине поселка был тепличный комплекс: это тысячи теплиц тянулись в поле, где выращивали огурцы, помидоры..., которые возили в город продавать.

Храм стоял на взгорке, чуть в стороне от центра, а за Храмом была та длинная улица из частных деревянных домов, которая кончалась в низине, а через опушку-поле в низине начинался густой лес. Со взгорочка видно было, что лес тянулся до самого горизонта и скрывался за ним.

Бабушка жила там, у самого леса. Она в лесу и собирала травы и корешки, которыми лечила людей. Она и гадала и ворожила и будущее предсказывала: так говорили.

Меня, маленького мальчика, проводили две старушки. Это были пожилые женщины, верующие. В детстве и деревья кажутся большими, так и мне эти женщины казались старушками. Они, естественно, удивились, что мальчик один приехал в Церковь из города, вот и проводили меня к знахарке – «экстрасенсу», хотя и слова такого не было в то время. А бабушка-знахарка определила меня сразу: сказала, что я совсем одинокий, и скрываю свои какие-то переживания от всех людей, что у меня нет друзей (всё так и было). Что я «душой страдаю», – сказала она. И хотела бабушка дать мне «оберег», талисман, после того, как напоила меня отваром

трав – чаем «особым». А я ей сказал, что у меня есть уже талисман, и показал ей свою монету. Вот тогда и услышал я такой-некий «приговор», – что могу умереть.... И сказано было, чтобы я берег монетку и не таскал её с собой без надобности. Как-то узнала она, что я и в школу свой талисман брал, и хвалился, показывал всем одноклассникам.

И вот, в один «прекрасный» день, я потерял её. И так случилось, что попал я тогда в больницу, как и сейчас.... Это уже третий раз я сейчас в больнице лежу, – в сложной ситуации, – почти «при смерти» был, недавно с реанимации.

Вот так закончился рассказ этого больного человека в осенний дождливый день. Мы выходили покурить на улицу, несмотря на морозящий дождь. В больнице курить было нельзя, и мы больные выходили в прибольничный парк, где были дорожки для прогулок больных и лавочки с беседками. Лежали мы в одной палате хирургического отделения. Звали моего сопалатника (по типу – сокамерник») – Михаил Чусовой. И его привезли сюда, в Республиканскую больницу после аварии, в которой погибли люди. От столкновения с грузовиком перевернулась их маршрутка. Случилось «чудо», что Михаил сидел впереди, на сидении рядом с водителем, и он точно должен был погибнуть: погиб водитель, а также несколько пассажиров в салоне маршрутки. Но дверь открылась, и Михаил выпал при первом же повороте маршрутки в кювет. Потом маршрутка еще пару раз крутанулась и вре-

залась в дерево внизу кювета.

Михаила, выжившего в автокатастрофе, с множественными переломами руки, ребер и с сотрясением мозга успели вовремя довезти до операционной. Его спасли. И это было не первое спасение. Михаил говорил, что попадал уже три раза в больницы, когда чудом оставался жив.

Я не успел узнать всю его историю. Меня выписали на следующий день. Но я заметил «способности» Михаила, которые он относил на видение НЛО. Он всегда «угадывал», что идет к нам в палату врач, или медсестра несет таблетки. А в другой раз, во время обхода, он знал, что к нам врач не зайдет: и точно – врача вызывали куда-то и до нашей палаты обход доходил уже без главного лечащего врача. Михаил не любил гречневую кашу и иногда не ходил на ужин, предугадывая, что будет гречка.

Жизнь – страшно интересная: она страшная и в то же время интересная. В ней есть место и чудесам и чудесным людям, которые обладают – «способностями» от НЛО.

Конец.

Как я любил химию

В нашем классе никто не любил химию. Особенно разные формулы. Но странный случай произошел в начале учебного года, осенью. Три друга, встречались мы после школы на пустыре возле стройки. Юрка Медведев, Вован Иванцов и я, Серёга. Вован был у нас заводилой. Он придумал, узнал где-то, что «карабит» взрывается. И «достал» он этот «карабит» на стройке. Это были комки похожие на мел, только чуть темнее и кристаллические как соль. Мы сложили их в бутылки из-под шампанского, налили туда воды. В воде «карабит» зашипел. Заткнутую пробкой бутылку Вован еще встряхнул и бросил в строительную канаву. Через минуту произошел взрыв. Бутылку разорвало. И тут началось. И Юрка и я тоже стали делать «бомбы» из бутылок с «карабитом». Так мы тренировались, взрывая бутылки, пока не кончился «карабит».

Зачем нужен был этот «карабит» никто не знал. Но его было много на стройке. Он хранился в сарае-складе около будки-вагончика строителей. На стройку пробрались мы легко, сломав доску в заборе. И также сделали со складом, оторвав доску от гвоздей снизу, так, что она висела на одном верхнем и отклонялась, оставляя щель. Самый «тонкий» был я, и я полез за этим «карабитом» на склад. Нашел я бочку, закрытую плотно крышкой. А в углу у дверей нашел и монтировку

из арматуры с острым концом, чем и открыл её.

Потом я еще и еще лазил на стройку на склад. И многие школьники просили у нас этот «карабит», а мы давали им понемногу, пока не случилось несчастье.

Пацаны из младших классов, из 2-го или 3-го, тоже всё узнали и увидели, как взрывать «карабит» и где-то его нашли, скорее всего, там же на стройке. Но у них не получался взрыв. То мало насыпали или пробку слабо заткнули. Тогда они насыпали много и забили деревянную пробку кирпичом плотно и еще стали трясти бутылку в руках. Она и взорвалась на уровне лиц столпившихся мальчишек. Одному выбило глаз стеклом, а другим порезало лица. Так всем стало известно, что «карабит» опасный.

А в школе провели урок химии, где учительница объясняла нам, что такое «карбит» – какая происходит реакция. Этот урок-объяснение проводили в присутствии завуча и еще представителя от милиции. Предупредили всех, особенно мальчиков об опасности игр с «карбитом».

Учительница химия предложила нам прочитать книжку «Занимательная химия», остаться после уроков и провести интересные опыты. Так открылся новый факультативный кружок. И мы подготовили «показательный вечер» (в современной трактовке – шоу), где проводили занимательные химические опыты. Из чашки с реагентом вдруг поднимался густой серый дым, как змея кобра следуя за движениями руки. Я так увлекся этим, что стал главным «лаборантом»

и многие показательные опыты проводил сам. Выступления наше проходило в актовом зале школы для всех, были там и родители, и мои мама и папа. Химия стала моим увлечением на долгие годы, если не сказать на всю жизнь.

Опыты в занимательной химии были такие:

Невидимые чернила, когда писали на бумаге светлой жидкостью, а потом, сбрызнув водой, появлялись красные буквы.

Изменения цвета жидкости в колбе: жидкость сначала зеленая, подносим руку, она меняет цвет на красный, и на желтый, если рука другого человека.

Полимерные червяки: вырастают на ваших глазах, и их можно унести с собой.

Бурление без кипячения. Или примораживание стакана к поверхности подноса, даже в углу к стенам дома.

И еще много-много чего интересного.

Сегодня все эти опыты можно найти в интернете на сайтах «Занимательная химия».

А книжка по таким опытам была еще 1970-го года.

Конец.

Школьные годы чудесные...

Пролог. Как правильно писать сочинение

Раньше, в мои школьные годы, нас учили в школе писать сочинения по плану. В последнее время, в двухтысячные годы, сочинения в школах не писали, и молодежь не умеет писать сочинения. И полезно будет современным ученикам знать, научиться писать сочинения, что мы покажем на собственном примере.

Итак. План сочинения составляет, содержит:

1 Экспозицию, 2 Завязку, 3 Развитие действия, 4 Кульминацию, 5 Развязку и 6 Постпозицию, завершение.

Еще же, в начале сочинения может быть Пролог, как в нашем случае, а в конце сочинения может быть Эпилог, – в котором содержится мораль, высказывания авторских пожеланий.

1 Экспозиция

В маленьком провинциальном городке, в школе на окраине учился мальчик Сережа. Был такой предмет по школьной программе – НВП, начальная военная подготовка, который нравился всем мальчикам. Там учили разбирать автомат Калашникова, ходили в тир стрелять из малокалибер-

ной винтовки. Учили пользоваться противогазами, и оказывать первую помощь пострадавшим. Девочки учились делать перевязки, накладывать шины на сломанные руки и ноги. Но весной еще проводилась Военно-патриотическая игра Зарница.

2 Завязка

И в тот год, в Апреле месяце вся школа готовилась к этой игре, к Зарнице. Игру решили проводить за городскими домами, в поле, около маленькой речки. В нешкольное время, в выходной день, в субботу, все ребята пришли на край заснеженного поля. Старшие классы начали строить из влажного снега 2 крепости: красных и синих. Младшие ребята тоже им помогали. По условиям игры всем нашили на плечи погоны, небольшие тряпочки на оба плеча. Этим заняты были девочки. Погончики пришивать было велено несильно, чтобы можно было их легко оторвать. Если отрывался один погон, то считалось что участник «ранен», а если оба погона потерялись – «убитый» выбывал из игры.

3 Развитие действия

И у Красных и у Синих были построены снежные лабиринты и высокие крепости, над которыми развевались флаги. Команды начали «военные действия, стали кидать в друг друга снежками. Синие несколько раз подбегали близко к «Крепости» красных. А крепость Красных стояла почти у берега маленькой речки покрытой льдом. Атаки предпринимали и Красные, всем руководили учителя. Во время

«атаки» ребята боролись в поле и срывали друг у друга погоны. У «синих» было много «раненых», и «убитых». Но вот Сережа предложил своему «начальнику», учителю физкультуры, свой план победы: обойти противника под берегом реки и напасть сзади на их «штаб» и захватить флаг. Берег реки порос кустами и деревьями и их не будет видно. Сережа был за проигрывающих «синих». Собралась команда из нескольких мальчишек, и они побежали и спустились к речке. Чтобы их не заметили, пришлось отойти далеко от места, где проводилась игра. Река в этом месте делала поворот, и небольшой омут отдалял весь путь команды Сережи, он был назначен командиром.

4 Кульминация.

Обходить широкий круглый омут по берегу речки было бы долго, а идти по весеннему льду, покрытому снегом, было опасно. Но Сережа «приказал», как командир, чтобы ребята шли через омут по льду. В прибрежных кустах тальника мальчишки выломали палки, чтобы проверять лед впереди себя. Так они вышли на реку, перепрыгнув уже тающие закрайки, где лед ломался под ногами. Первым шел Сережа. За ним все остальные. Медленно, они дошли до середины реки, и тут лед начал трескаться. Но легкие ребята проскочили трещины и ускоренно стали идти к берегу. Они почти бежали, уже не друг за другом, но каждый по своему пути, разойдясь вдоль течения речки. Сережа выскочил на берег первый, за ним стали выходить другие ребята. И тут все

увидели, что последний неуклюжий толстяк провалился под сломанный лед. Мишка, их одноклассник, был неуклюжим увальнем, и завали его «за глаза» – «Жирдяем». Его веса хватило, чтобы проломить лед недалеко от берега. Тут Сережа бросился на помощь. Он упал на лед покрытый снегом и пополз к образованной полынье. За ним пополз еще один и еще один мальчики. Жирдяй выставил руки пытаясь выбраться, но соскользнул в воду, потому что лед был мокрый. Сережа успел схватить его за руку. А его уже тянули за ногу мальчики, что были позади. Так они тянули цепочкой Жирдяя из воды.

5 Развязка

Пришлось им возвращаться бегом в свой лагерь. И в тот раз в Зарнице победили Красные, команда Сережи проиграла. А их одноклассник заболел. Он не был отправлен в больницу, но просто не пришел в школу. К нему домой отправились все ребята, после уроков. Это был Миша Столяров. И они подружились с Сережей и дружили потом всю жизнь.

6 Постпозиция

В школьные годы мы находим хороших друзей. Миша Столяров много раз выручал меня в моей жизни. И я помогал ему бескорыстно и от всей души. Когда мы собираемся на праздники, иногда вспоминаем свою историю из детства.

Эпилог.

Вот так примерно классически должно выглядеть «сочинение». Многие современные авторы-писатели отступают

от классики, часто детективы начинаются с финальной сцены, – сначала убийство, а потом раскрывается, как это произошло. Но классическое произведение-сочинение, строиться по такой схеме, которую я тут показал.

С уважением, автор.

Пионер

рассказ воспоминание

Вспоминается Мише построение на «линейку». Это было в третьем классе. Тогда собрали детей в спортивном зале школы, где они построились в два ряда группами по классам. Учителя собрали Мишин класс в середине зала, их принимали в пионеры и старшеклассники повязывали им красные галстуки на шею. Потом команда: направо! – и новые пионеры прошли под барабанную дробь почетный круг, проходя мимо всех колонн салютовавших пионеров из остальных классов школы.

Миша не особенно понимал, но гордился тем, что стал пионером.

Вспоминается и построение на линейку в летнем пионерском лагере, куда он приехал в первый раз. (На берегу лесного озера, со стороны песчаных пляжей, построены были санатории и корпуса детских лагерей отдыха). Выступал пионервожатый, потом директор лагеря, а потом все подняли руки для салюта, когда поднимали флаг на железную длинную штангу в честь открытия сезона.

Что было главным в пионерах для Миши – это дисциплина, обязанности и запреты. Дети, по возрасту, были разбиты на группы, которые назывались отряды. Надо было маршировать в ногу и учить стихи-речёвку: «пионерский наш от-

ряд, – все шагают дружно в ряд...». Потом они шли на пляж озера, загорать и играть в мяч. Купаться им пока не разрешали, потому что вода не прогрелась до нужной температуры.

После обеда был непременно «тихий час», когда все должны были лечь в постель спать. На самом деле, днем спать совсем не хотелось, – им разрешали читать книжки. И Миша читал книгу про Робинзона Крузо.

Наверное, не случайно его называли – Мишей (от медведя), думал он про себя всё время. Почему то он был «толстый» и неповоротливый, похожий чем-то на Мишку, на свою плюшевую коричневую игрушку, с которой раньше он вместе спал, когда был маленький.

Став пионером, у Миши появились другие интересы, – в школе ему поручили делать стенгазету с одноклассниками: с девочкой Леной Поповой, с двумя косичками, в которые вплетались бантики, и с Сашей Петровым, который был худой, но высокий и шустрый мальчик.

Они оставались после уроков с учительницей Калерией Порфирьевной. Она учила их по русскому языку и литературе, и была их классной руководительницей. Под её руководством Миша стал читать стихи и учился писать рифмованные строки для стенгазеты, которые полноценными стихами, вначале, назвать было трудно. Но Миша стал много читать и писал репортажи и заметки в стенгазету всё лучше.

Были в пионерском лагере и спортивные игры и соревнования. Например, играли в футбол. Толстому Мише бегать было трудно, он тяжело дышал. Его поставили на ворота, вратарем, – и тут он был плох, не мог прыгать и ловить мяч. Были в пионерлагере еще и другие «кружки»: авиамодельный, «плотницкий», где строили-мастерили ребята модели самолетов и кораблей с парусами. И тут Миша не смог привыкнуть держать в руках инструменты: молотком он стучал мимо и по пальцам своим, вытачивая ножом и стамеской корпус кораблика из полешка, порезал до крови руку.

Но ему тоже нашлось занятие, когда он рассказал, что в школе делал стенгазету, – он стал «редактором» стенгазеты отряда, а потом был «корреспондентом» обще-лагерной стенгазеты, где описывал соревнования и мероприятия, проводимые среди отдыхающих пионеров.

Пионервожатыми и руководителями отрядов были студенты из институтов. В основном из пединститута имени Крупской. И с факультета физкультуры и спорта, и с факультета русского языка и литературы, и других.

Когда в отряде узнали, что Миша «работает» корреспондентом, что Миша почти писатель, к нему стали относиться получше: уже не дразнили «толстяком» и «жирдяем». А еще Миша рассказывал на ночь страшилки.

Они спали в большой комнате – в палате, 10 мальчишек. Миша придумывал и приукрашивал истории, которые уже слышал: «По улицам города, каждую ночь, катался чер-

ный гроб, который забирал жизни людей. Один мальчик, вечером, слушал объявления по радио: черный гроб катится по городу (зловеще произносил Миша). Потом: черный гроб катится к вашему дому..., к вашему подъезду. Потом: черный гроб поднялся на второй этаж, а мальчик жил на пятом этаже...»

И другие страшилки: «Родители переехали на новую квартиру. И в комнате на стене было белое пятно. Ночью это белое пятно светилось, когда все спали, а мальчик не спал и с ужасом наблюдал, как это пятно двигалось по стене. На другой день, утром, пятно снова оказывалось около двери на своем месте. И вот, однажды, это пятно подвинулось к кровати родителей..., из него вылезла белая перчатка... и задушила обоих родителей, а мальчик убежал...». Миша добавлял много подробностей: про темноту ночи и вой ветра, или про ужасный дождь и громы и молнии. Разные истории сочинял Миша и всем его друзьям в отряде нравились его рассказы-страшилки. Тогда он стал популярным и известным. Тем более, он описывал, как в лагере играли в футбол и как проводили запуски моделей самолетов, кораблей на озере..., обо всех событиях в лагере. Все читали в газете его рассказы-репортажи. Газета висела на видном месте — на стенде перед парадным входом главного корпуса.

А еще они ходили в поход вокруг озера, по лесу. Их готовили к походу пионервожатая и физрук, большой и сильный.

Мальчикам дали рюкзаки, и они складывали туда необходимые вещи: полотенце, руки вытирать, мыло в мыльнице.... Из столовой девочки принесли пирожки, уложенные в пакетиках. У некоторых мальчиков были перочинные ножички.

Весь отряд двинулся в лес сразу после обеда, в поход вместо «тихого часа». И много было в лесу интересного. Они видели змею – большого ужа с желтыми пятнами на голове, который переполз тропинку и поспешил уползти в траву, от криков ребят: «Змея, змея!... Уж – Уж!... У него желтые пятна!...».

Им пришлось переходить засохшее болото, где росла клюква, с еще зелеными ягодами. А на лесной полянке, под редкими березками ребята нашли землянику.

Среди сосен и елок увидели белку, которая убежала на дерево и потерялась в кронах сосен. Кто-то из ребят нашел ежика и принес его к костру. Его пытались накормить, но он ничего не ел, тогда его отпустили обратно в лес.

А костер развели на открытой поляне около озера. Там уже стояли рогатины. Дети собирали сухие палки и приносили их для костра. Физрук поставил большой котелок и вскипятил чай. А потом всем наливала в кружки пионервожатая черпаком. Горячий чай с дымком и с пирожками приятно было пить на природе у костра.

Физрук, молодой парень, брал гитару и все, кто хотел, пели песни. Пели в основном девочки, под руководством пионервожатой: «Чайка в море отстала от стаи и в туманную

даль унеслась... Ла-ла-ла, ла-ла-ла, ла-лу-ла-ла...» и так далее в том роде простенькие романтические песенки. А мальчишек отпустили побегать в лесу, в овраге. Они лазили по деревьям, поваленным как попало. Весной по оврагу в озеро стекала талая вода. У самого озера овраг был неглубокий, а подальше в лесу, на возвышенности, он прорезал землю, и вешняя вода смывала его края, подмывала корни деревьев, которые и нападали в овраг. Мальчишки так далеко ушли от берега озера, что пришлось идти их искать. Некоторые девочки пошли с физруком в лес и кричали: «Ау! Ау!», – и звали мальчишек по именам. Миша тоже пошел было со всеми, но пройдя вдоль оврага, перелазив через поваленные деревья, скоро устал и вернулся обратно к костру, к оставшимся с пионервожатой девочкам.

Искали мальчишек долго. Но все же нашли. И уже солнце стало клониться к закату, пытаясь спрятаться за верхушки деревьев, когда все пошли обратно в лагерь.

В сумерках переходили клюквенное болото по еле заметной тропинке между кочек травы. Миша несколько раз падал, спотыкаясь об кочки и об корни деревьев. Падали и девочки, взвизгивая всякий раз. Им помогали мальчишки, подавая руки, поддерживая и показывая дорогу в сумерках, куда надо вступать.

Поход завершился поздно. И пришли они в лагерь, когда ужин уже закончился. В пустой столовой они ужинали одни, а в актовом зале показывали кино, только что привезенное

из кинопроката. Хотя и уставшие были ребята из их отряда, но быстро поужинали и поспешили на фильм. В темный зал пробирались на свои места согнувшись, чтобы другим не мешать. Показывали «Приключения Шурика и Операция Ы». Зал, полный ребят, бурно реагировал на шутки в фильме громким смехом.

Вспоминается, что многие ребята подружились в пионерском лагере. И хотя они были из разных школ, и жили в разных районах города, но продолжали дружить потом многие годы. Пионеры – были дружные ребята!

Конец.

Событие из провинции, где строили Храм

С утра светило солнце. Но к девятому часу с востока выползла из-за горизонта темная зловещая туча и быстро поглотила яркие солнечные лучи. Густая тень легла на землю и поползла с быстротой скачущей лошади к поселку, затерянному среди лесов на берегу небольшой речки. Вскоре, и ветер, гнавший тучу, достиг своими порывами крыш домов, взъерошил мусор и пыль на ровной улице между домов поселка. В потемневшем небе, оттуда, с востока, уже слышались раскаты грома. Ветер гнул ветки деревьев, растущих вдоль реки с обеих сторон деревянного моста. И дождь начался. Неожиданно крупными каплями забарабанил по доскам.

Под мостом сидел мальчишка, и для него звук дождя слился в один шумный поток, слившись с всплесками струй по воде. Ливень поливал с небес, заслонив собою всё видимое пространство. Не видно стало ничего – ни ближних кустов и деревьев, ни колокольни Церковной в середине поселка стоящей и видимой в хорошую погоду из далека. И не видно было самого поселка, куда мальчик отправил свою сестренку.

Именно возле Церкви бегала семилетняя сирота – Анечка. Она искала диакона Василия, который приютил их обоих

с братом.

– Дяденька, где Василий? – спросила она встреченного пономаря. Он шел, качаясь от ветра под дождем к церковному домику позади Храма, и подхватил за руки девочку и повел её с собой.

В трапезной, в церковном длинном домике-бараке собрались несколько человек, – все спрятались от дождя. Тут были и двое нищих, мужчина и женщина, которые просили на паперти, тут же были дворник-рабочий и некоторые прихожане, и тут же был и дьяк Василий.

Девочка худенькая, что сразу стало заметно под мокрым платьицем. Глаза её испуганные, губы дрожали, то ли от холода, то ли от волнения. Светлые волосы разметались и прилипли к мокрому лбу и щекам. Увидев диакона, она не решается сообщить проблему при скоплении людей.

– Дядя Василий, дядя Василий! – говорит она взволнованно.

– А-а-а... раба божия Аня! – Что случилось, откуда бог принес, – и повел её диакон из трапезной в смежную жилую комнату. Там, первым делом, взял со спинки железной кровати полотенце и дал Анечке. Потом он нашел в шкафу легкую курточку-ветровку и набросил её на Аничкины плечи. Курточка повисла на ней как плащ ниже колен.

– С братцем, с Димкой беда случилась. Он идти не мог и остался под мостом на реке. А я от дождя убегала-убегала, но он достал меня прямо у Церкви, – быстро-быстро говори-

ла Анечка, будто скороговорку.

Она вообще была шустренькая. Пока она говорила, успела и лицо и волосы полотенцем вытереть и в курточку, в рукава, руки засунула и начала загибать длинные рукава. Василий сам помог и стал загибать рукава куртки, для чего Анечка вытянула руки вперед. Она именно немедленно хотела идти к брату, (за братом) к мосту.

– Что-ты, что-ты, какая беда? У-ух, какой гром! Свят, свят, свят... Серьезное что-то? —

– Да-да. Мы на мосту игрались, – там доски качаются..., а Димка прыгал, а доска сломилась и ногой провалился и прижало ему обе ноги. Я его вытащила и оттянула. Он под мост сам скатился и велел сюда идти. Может он обе ноги сломал..., – так тараторила Анечка своим писклявым детским голосочком.

– Ну вот, не успел еще день начаться у вас уже горе! – покрутил головой дьяк Василий.

– Как же это... ноги сломал... и дождь еще, гроза вон! – продолжал вслух соображать диакон,

– Хорошо, что священника нет, и службы не было, – а была бы служба? – но псалмы и Часы читать велено. Бабы там читают. Ну да ладно. А вот я отправлю с тобой пономаря. —

И действительно, выйдя в трапезную, он обратился к пономарю Сергию. Услышав о проблеме, Сергей сразу же согласился пойти, несмотря на дождь. И Анечка все рвалась, хотя её дьяк Василий не хотел пускать. Пока «суть да де-

дождь стал утихать. А к моменту выхода пономаря, дождя уже почти не было. Летние грозы они быстрые. Но гром еще гремел, теперь уже в противоположной стороне, на западе, а от востока начинало светлеть. Туча уползала, оставляя за собой рваные клочки облаков.

– И что ж вы пошли, далеко так, с самого утра? – спросил Сергей у Анечки, когда они вышли на улицу поселка и направились к реке.

– А Димка сказал, что на рыбалку надо с утра ходить, на «утренний клев» —

– Ага! Так вы рыбачить ходили! Вот и смотрю, что ты в резиновых сапожках, будто знала, что дождик будет..., а ты на рыба-а-лку собралась! —

А дорогу по поселку размывло ливнем. Ноги пономаря и Анечки покрываются кусками тяжелой, мокрой глины. Пономарь идет быстро, хотя шагать тяжело. Маленькая, слабосильная Анечка едва поспевает и чуть не падает от тяжести, налипшей на сапожки глины. Наконец, они выходят из поселка, и дорога становится песчаной. Этот песок речка нанесла за долгие годы. Она сейчас переместилась от села километра за два, два с половиной. Каждый год весной мост сносило половодьем и его всякий раз восстанавливали.

Село построилось на пологом спуске к реке и когда-то процветало, до революции. Потом Храм развалили: сломали купол. И что только в этом Храме не было: и зернохранилище, и склад колхозных инструментов.... В 1990-х начали

Церковь восстанавливать.

Строителем был и Сергей, – лишь в последний год его включили в штат клириков, пономарем. Храм был почти готов. Служить приезжал священник по выходным дням и по праздникам. А диакон приехал не так давно и привез с собой Анечку с братом Димкой. Их мать умерла от рака, а отца у них совсем не было. Но, как мама их водила в Церковь, и Церковь хоронила её, – то сироток приютил диакон Василий.

Ну вот, наконец, подошли они к мосту и к реке. Омытые дождем деревья, потревоженные налетевшим ветерком, сыплют на них целый поток брызг, когда они спускались с насыпи под мост. Там, прижавшись к свае, сидел восьмилетний мальчишка. Он скинул свои сапоги и потирал ушибленные икры ног. Всё оказалось не так страшно. И боль уже была не столь сильной.

– Страшный гром был, и дождь такой сильный-сильный! – говорил Димка.

Пономарь Сергей взялся было поднять мальчика, но тот оттолкнул руки Сергея и сказал: «Я сам».

– Ну, раз ты такой взрослый – и Сергей отлучился к кустам и деревьям и нашел там суковатую палку. Вот мальчик и встал на ноги. Шагал он медленно, но прошел по берегу до откоса. Тут Сергей взял его на руки и поднял на мост, на дорогу. Так потихоньку и тронулись.

Мальчик, да и девочка, был такого возраста, когда они много задают вопросов начинающих со слова «почему?» — «почемучки» этакие. И шли они, медленно, всякий раз останавливаясь, когда и можно было задать свой вопрос взрослому и, по их понятиям, знающему человеку. В далеком уже далеке, слышались раскаты грома уходящей грозы.

— Вот как гремит — повторялся Димка, остановившись и потирая свою ногу. Выпрямившись, он спросил:

— А почему это гром гремит, отец Сергей? —

— Вы в школе еще не проходили? — спросил пономарь, зная, что Димка ходил уже в школу и окончил первый класс и перешел во второй.

— Это одна туча надвигается на другую! Всё дело в электрическом заряде. Теплый воздух — это плюс, а холодная дождевая туча — это минус. И происходит искра — это молния. Тучи же очень большие, они высоко, и звук, поэтому, доходит до земли не сразу... — пояснил, как мог. Сергей.

— А утром мы видели уток. Они на болота полетели. Анечка, а хочешь, я тебе покажу соловьиное гнездо — в кустах видел у моста, — сказал Димка, так быстро его мысли детские перескакивали с одного на другое.

— Лучше не трогать соловьев, не тревожить — сказал Сергей — Соловей певчая птица — безгрешная. Ему от Бога такой голос дан, чтобы природу украшать пением своим —

— А воробьи? —

— Природу вообще надо беречь. Но про воробья есть «ба-

бушкины» предания: это злая и грешная птица. Когда Христа распинали на Кресте, он, воробей, жидам гвозди носил и кричал: «жив! жив!». Но неправда это. Был случай в Китае, когда воробьев обвинили, что они рис на полях клюют и народному хозяйству вред приносят. Тогда все люди стали убивать воробьев, а правительство даже деньги платило: за одного воробья по одному рублю. Но грех был людям и горе – потому что на следующий год и все следующие в полях размножились гусеницы и жучки, которые наоборот весь урожай риса уничтожили! Пришлось Китайцам покупать воробьев в других странах, исправлять свою ошибку! Природу беречь надо, и птички уничтожают вредных насекомых! – рассказал детям пономарь Сергей и продолжил.

– Вот почему же мы в Храме зажигаем свечи и лампадки? Вы знаете что «Бог есть свет». И на службах слышали: «Христос – Солнце Правды», «Свете тихий» и другие слова. Отсюда становится ясно, что свет в Храме и при молитве (и храмовой и домашней) – это, прежде всего символ Бога. И в древности, в Ветхом Завете и в Новом Завете, в новое время, при всех богослужениях зажигается свет. И не только потому, что в Храме темно, но по символическим причинам. Вместе со светом свеча излучает тепло, которое символизирует теплоту нашей молитвы. Мы молимся Богу с теплотой души, и это тепло от нашей свечки символизирует наглядно свет от свечи. Вот ведь, почему свечи! – закончил пономарь.

– А почему девочки и женщины должны покрывать голову

платком в Церкви? – спросила маленькая Анечка во время очередной остановки.

– Это очень непростой вопрос, но чуть-чуть попытаюсь тебе объяснить. Уже давно весь мир создал Бог, и Бог установил свой порядок в мире, а Божий порядок самый правильный, хотя люди сами свои порядки устанавливают. Есть заповедь от Бога: «На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчина не должен одеваться в женское платье»... книга Библии Второзаконие так говорит. Заповеди Божии нельзя нарушать – это грех. Женщина покрывает голову не для себя, а для Ангелов, чтобы Ангелы могли отличить женщину от мужчины. И так написано уже в Новом Завете. И так было всегда, – закончил Сергей.

– А ты останешься у нас работать в Церкви? – спросил Димка.

– Ну, Храм-то мы восстановили, построили. Видел ты, как мы стропила меняли на крыше? —

– Да. И еще не вся крыша железом покрыта. —

– Вот, покроем крышу железом и поеду я строить другие Храмы – сказал пономарь Сергей.

За разговорами, незаметно быстро подошли они к Церкви, где их уже ждал диакон Василий. Пора было уже обедать идти. И Сергей пономарь пошел в трапезную, а дьяк Василий повел детей дальше по улице. Через два дома от Храма он снимал комнату в доме у пожилой вдовицы....

Конец.

Р. S. Это классическая сценка из жизни, которую, очень похожую, мы можем найти в произведениях наших писателей классиков 19 века. И у Тургенева, у Куприна, у Лескова есть такие небольшие сценки. Но и сегодня жизнь наша очень похожа на повседневную жизнь народа в 19 веке. «Читайте и перечитываете классику» – вы увидите отражение вашего окружения!

Сергий Чернец.

Жарким летом

Стилизация

В один год было жаркое лето. И поехали мы на телеге за сеном в поля. Было душно и почему-то уныло. Выхав на поле из притихшего в жару леса, еще боле тишина и зной одолели нас. Быстро бежит телега наша, трясаясь по неровностям полевой дороги. И открывается вид на светлое белёсое небо, на равнину и холмы вдалеке. В траве не слышно обычной музыки кузнечиков, птичка не пролетит и зверь не проскачет, тот же заяц, все спрятались от жары. Но вот показались серые грачи, от нечего делать перелетающие с места на место, и те все похожие друг на друга и делают поле еще однообразнее. Полетел ястреб над самой землей, плавно взмахивая крыльями, и вдруг остановился в воздухе, точно запнувшись и размышляя. Потом встряхнул крыльями и понесся над полем стрелою, и непонятно, зачем он летает и что ему нужно, а вдали показалась речка. К ней то и ехали мы на телеге, чтобы загрузить стог, три дня назад собранный из скошенного просушенного сена на заливных лугах.

Ехать нам еще долго — поле оказывается большим и огромным, и мы уже час изнываем от жары, даже по лесу проезжая не могли укрыться от солнца пекущего открытое пространство дороги. И лошадь бредет потихоньку, а возница не гонит её, зная, что ей еще трудиться придется, вести

назад груженую сеном тяжелую телегу.

Для разнообразия у дороги мелькнет камень, белый, похожий на череп погибшей скотины, в овражке, что проезжали стороной, росли высокие кусты тальника. И – опять бежали мимо глаз и бурьян, и холмы, и эти грачи серые, откуда их столько много в полях?

Но вот, слава богу, навстречу нам ехал воз огромный с сеном. На самом верху лежала какая-то баба, молодая девка. Сонная, также изморенная зноем. Лошадь сама шла по знакомой ей дороге, а девка отвернулась от всего и запрокинула руки за голову лежа сверху на мягком сене. Наша телега аж взвизгнула, боком прошаркав с возом, а колючие бока сена задели возницу.

– На людей едешь, пухлая – закричал возница – Ишь рожу-то раскорячило, словно пчелы искусили. —

И как он сам пропустил, что не повернул свою лошадь пропустить встречный воз, сам-то спал вероятно.

Девка приподнимается на локте, сонно улыбается и, шевеля губами, опять ложится... Звуков её голоса не слышно, из-за жары воздух сделался такой густой, что и звуки не передает на расстояние.

И вот на холме перед длинным пологим спуском к реке показался одинокий тополь; кто его тут посадил (тополей нигде по всей округе не водилось) и зачем он здесь – бог его знает. От его зеленой стройной одежды трудно оторвать глаз. И счастлив ли этот южный красавец? А пирамидальные то-

поля растут в южных странах. И летом зной, и дожди осенью, зимой стужа и метели. И страшные тёмные ночи, когда видишь только тьму и завывания ветра только слышны, а главное — всю жизнь один и один....

За тополем дорога пошла вниз, и лошадь понесла резвее, чуя близкую воду реки, где ей непременно дадут напиться. У протоптанной дороги сено было скошено, а подальше вдоль осоки и камышей водной стрелки, извивающейся голубой змейкой, маленькой усохшей на лето речки косили человек шесть косарей высокую, выше их колен траву. По движениям баб, за косарями раскидывающих, ворошащих сено видно было, что зной и их жжет и душит. Косари, сверкая мышцами голых торсов, взмахивали косами в такт одновременно, все вместе издавая слышимый тут в низине звук: «вжжи, вжжи!».

Черная собака с высунутым языком отделилась от баб и косарей и бежала к нашей телеге, вероятно, с намерением залаять, но остановилась на полдороги и равнодушно глядела на возницу, грозящего ей взмахом кулака: жарко и лаять-то. Возница остановил у сметанного абы как стожка, и, спрыгнув с телеги, взялся за вилы. Спрыгнул и я, мальчишка, в яркой красной с мелкими цветочками рубaxe. И что мне бабушка сказала её одеть? Одна баба приподнялась, отковыряния в траве руками, в наклон, и, взявшись обеими руками за измученную поясницу, смотрит на мою рубаху долгим взглядом. Может ей красный цвет понравился, или вспом-

нила она про своих детей, которые бегали сейчас в деревне, оставленные без надзора, только долго стояла она неподвижно и смотрела на нас.

А мы с возницей укладывали сено рядами: втыкали вилы в стог и отрывали «шмат» от него перебрасывая на телегу.

Это был первый год, когда мне исполнилось 14, и я работал в колхозе, помогая возить сено с лугов, потом и в коровнике, в телятнике помогал. И заработал я тогда немного денег за летние каникулы, и все их отдал бабушке своей, что было огромной помощью: пенсия колхозная её была в два раза меньше городской – 32 рубля по тем деньгам. Так я стал рабочим и зарабатывающим.

Конец.

Полусказочные повести

Вступление

Среди лесного края, под горой, поросшей лесом, протекала маленькая речка. Она так и называлась Малевка. А впадала речка в глубокое круглое озеро. Озеро было провальное, карстовое. Называлось оно «Большое озеро». Не потому что размерами озеро было большим, и не потому что где-нибудь рядом были бы маленькие озера еще. Озеро называлось Большим из-за его глубины. Как говорили старожилы: измерять пытались глубину озера длинными вожжами. Так, до 52-х вожжей привязывали к грузу и опускали зимой в прорубь. И дна не достали. А вожжи-то длиной больше 10 метров были.

Издавна около речки поселились люди. И деревня, которая на горе, так и называлась – Нагорная. А та, что под горой, называлась деревня Старая, видно очень давно там люди поселились. И, конечно, многие предания о лесах, об озере из глубокой старины сохранились у людей в деревнях. Передавались они в виде сказок из поколения в поколение.

В деревне Старая жила и моя бабушка. А я каждое лето приезжал к ней на каникулы. Поэтому я знал из рассказов бабушки многие местные предания. И был случай, когда я

встретился с преданиями наяву. Мне тогда было 6 лет, и я был совсем маленький мальчик. В тот год я уже перестал ходить в детский садик, в сентябре я должен был пойти уже в школу, в первый класс. Из детского круглосуточного садика родители забрали меня еще весной. Апрель и май я целыми днями бегал на улице, в городском дворе, пока папа и мама были на работе. Родителям я доставлял, видимо, много хлопот. Всегда я сильно марался, прямо вывозившись в грязи, приходил с гулянки домой. Мама устала, наверное, стирать. Да и кормить меня днем было некому. Чтобы я сидел дома, родители наполнили целую полку в шкафу книжками со сказками. И хорошо, что я читать научился еще в 4 годика и любил я это дело. Так прочитал я тогда много сказок: и Ганса Христиана Андерсена и Русские народные сказки. С таким умственным настроением, под впечатлением сказок я и поехал к бабушке в деревню. Так родители решили избавиться от хлопот – увезли меня к бабушке.

А бабушка каждый вечер рассказывала мне другие сказки, вернее предания местные, старинные деревенские истории. Я узнал о многом: о лешем, что живет в лесу и охраняет его; и о русалках, которые живут у нас на озере в камышах, на пологом берегу, поросшем осокой. В лесу на болотах водились кикиморы, которые криками и смехом пугали людей. Но лес был населен не только злой нечистью, жили там и добрые феи в цветах на лесных солнечных полянах. И старичок лесовичок – в образе большого гриба был добрый, как

рассказывала мне в преданиях бабушка. А ей рассказывала её бабушка и так далее – из глубины веков в моем детском сознании возникал другой таинственный мир, полный чудес.

И скоро пришлось мне встретиться с этим чудесным сказочным миром. Действительно я пережил в детстве удивительное «приключение», которое запомнилось на всю жизнь. И о нем я хочу вам рассказать.

С чего все началось Или Как это произошло

Все деревни вокруг реки Малевки входили в колхоз Коммунар, который начинался сразу за деревенскими огородами. Сельсовет был в Нагорной деревне, в 3-х километрах от нашей деревни Старая. И случился в колхозе переполох из-за того, что моя бабушка меня потеряла. Соседи сказали, что мальчика 6 лет видели в районе конюшни, которая стояла ближе к речке.

Колхозники организовали поиски пропавшего ребенка. И искали долго, почти 8 дней. И только на восьмой день я нашелся в райцентре, в поселке за 30 с лишним километров от нашего колхоза Коммунар. «Из леса вышел похудевший, весь грязный, в тине болотной и в паутине лесной – маленький мальчик шести лет». После такого сообщения, за мной приехал сам председатель колхоза. И на машине-козлике привез меня к моей бабушке. А она проплакала

уже все глаза и снова плакала от радости, что я нашелся.

В то время переполох в колхозе был большой. Всем колхозом лес прочесывали, овраги в лесу все обошли, и вдоль болот толпой ходили, кричали. Неделью люди искали меня.

Но как я прожил это время в густом лесу, где водились волки и даже медведи – это другой вопрос. Потому что время, оказывается, понятие относительное.

Иногда время идет быстро: незаметно, как уже наступает вечер. Но чаще всего мы ждем, и время тянется медленно. Для нас, для людей – 1 день, по сравнению со всей жизнью, это малое время. А есть однодневки насекомые, для которых 1 день – это целая жизнь. Они успевают в этот 1 день – родиться, подрасти, жениться и отложить яички для будущего потомства. Так и животные тоже живут меньше, чем человек, и для них время течет медленнее. «Век» собаки длится 20 лет, и кошки живут мало.

Самое плохое для человека – это ждать и догонять, все знают об этом. И для бабушки моей ожидание, когда меня найдут, продлилось «целую вечность». Так и для меня, маленького мальчика, время тогда вообще остановилось. Я прожил те злополучные дни – 7 дней, будто 7 долгих лет. Потому что за день происходило много событий и многие приключения.

Но сначала о том, как я потерялся, как выяснилось позже, и мне о том рассказали много позже.

За конюшней недалеко в лесу, было колхозное кладби-

ще животных. Вырыта была глубокая яма. И туда свозили и сбрасывали коров с фермы и лошадей, которые умирали от болезней и не годились для мяса по ветеринарной справке. Конечно, животных закапывали в этой яме, хоронили. Но медведи, звери – чуяли добычу и разрывали, раскапывали песчаную почву. Потом уже, как я помню, колхозные охотники сделали над ямой «скрады», охраняли и «добывали» зверей, волков и медведей по ночам. Конечно, все по лицензиям. И шкура медвежья, выделанная – была (хранилась) в нашем сельсовете долгое время, пока не была продана.

И тут же в лесу начинался малинник на небольшой просеке. Я гулял по малиннику, кушал ягоды, и приблизился к яме-кладбищу. Там я услышал шум, возню и рычание-урчание из ямы. Про яму-то я ничего не знал.

Идя на звуки, я подошел очень близко, когда, вдруг, как бы неожиданно, вышел из кустов на открытое место. В это время в яме орудовал медведь. Он раздирал тушу коровы, которая недавно умерла на ферме. Медведь тянул из ямы огромный кусок мяса, наверное, ногу от коровы. Может он хотел утащить мясо в лес, себе на прозапас?

Но получилось так, что я появился для медведя неожиданно, как и он для меня. От страха и неожиданности мы закричали оба – и бросились бежать в разные стороны. Думаю, медведь испугался не меньше меня, так бывает.

И вот, я побежал вглубь густого леса. И бежал я долго.

У страха глаза велики, как я помню, очень долго я бежал и далеко. Все думал, вдруг, он, медведь меня съест, потому что я видел, что он съел корову. Устав бежать, я прятался за толстое дерево или под елку, — а немного отдохнув, принимался бежать снова и снова. Вот и убежал я далеко от деревни. Так я потерялся, и не знаю, где очутился. Так я попал в другой волшебный мир.

Надо сказать, что лес наш действительно был огромный. Это от нас начиналась Тайга. Можно было по лесу пройти до самой Сибири, до Оби реки, не встретив, при этом, никаких деревень и поселений. Как раз я тогда бежал именно в ту сторону. Не знаю, когда я перебрался через речку Малевку, но я оказался в девственном лесу за рекой. А колхозники искали меня только на нашей стороне реки, где стоит деревня Старая. Они не предполагали, что шестилетний мальчик смог бы переплыть речку. Река-то, хоть и Малевка, — но шириной была метров сто, двести; и глубина ее 2—4 метра, а по ямам и 5 и 8 метров. Я сам не знаю, как я перешел реку. Может мне помогли невидимые сказочные лесные жители, с которыми я потом повстречался. И с которыми прожил, потом много-много времени.

«Феи и Эльфы» или наоборот «Эльфы и Феи»

В детстве нам все кажется большим. Есть даже фильм с та-

ким названием: «Когда деревья были большими». Вот и мне казалось, что в лесу росли огромные сосны, вершины, которых уходили в небо. Росли огромные ели, под кронами которых был целый домик, как шалаш. Мне стали встречаться большие грибы, которые доставали ростом мне до колен и даже до пояса (конечно, в 6 лет я был невысоким маленьким мальчиком). А шляпки грибов, некоторых, я не мог бы обхватить, такие большие коричневые шляпки были у них. И цветы были необычно большие в этом лесу.

И вот, я шел все дальше и дальше в лес. Иногда обходил поваленные деревья. Иногда перелезал через толстые трухлявые стволы. И, вдруг, за кустами мне открылась поляна вся проросшая большими цветами и высокой травой, из которой виднелась только моя голова. На поляне росли большие колокольчики, огромные с мою голову. А еще были большие ромашки, у них желтые серединки похожи были на блюдце, из какого я дома ел манную кашу. А лепестки белые у ромашек – большие, в две или три мои ладошки. В красные и синие колокольчики, которые свисали над тропинкой, я заглядывал. И видел на ножках пушистые от пыльцы тычинки, а посередине большой подсвечник-пестик.

Я прошел между цветами к середине поляны и увидел большой пенек, тропинка на нем кончалась. Такой круглый пенек, как наш стол в зале и такой же высокий, что до верха я только руками дотрагивался, если близко подойти, я не мог заглянуть наверх. Пень был выше моей головы. Колоколь-

чики цветов качались от легкого теплого ветра, и тычинки, ударяясь, извлекали едва слышный перезвон. Постепенно я стал различать и другие звуки на поляне. Позвякивание колокольчиков, вдруг, перебил звук жужжащего шмеля. Большой черный с желтыми полосками шмель летал от цветка к цветку. Он залазил внутрь колокольчика и замолкал. А потом, повозившись там, вновь вылезал и деловито жужжа, перелетал на другой цветок.

Когда я бежал от медведя и еще очень боялся, для меня действительно все казалось большим: и валежник был чересчур толстый, и кусты огромные. Говорят: «у страха глаза велики». Верная видать пословица. Оттого я видел такие огромные грибы, которых потом больше никогда не видел. А, быть может, я попал в сказочный лес, на сказочную поляну? Потому что на той волшебной поляне я почувствовал усталость и напал на меня сон. Глаза сами собой закрывались, и зрение помутилось: все передо мной расплывалось и подернулось призрачной дымкой – туманом. Тогда я сел возле большого пня на мягкий, как перина зеленый мох. И разомлев от теплого солнечного дня, погрузившись в мох, я проваливался в сон в мягкой моховой постели. Перед тем как заснуть. Мутным взором, как через жидкое дрожащее стекло, я видел большие цветы, колокольчики и ромашки. Вокруг летали огромные красивые бабочки, бабочки желтые и бабочки белые, бабочки чуть поменьше красненькие и го-

лубенькие. Пролетела и стрекоза – большая, как вертолет. Все это – и цветы, и бабочки успокаивали, умиротворяли. И медленно я погрузился в легкий сон.

И сон действительно оказался легким. Я проснулся, оттого что кто-то разговаривал рядом. И почувствовал я себя облегченным будто парил над землею, если продавливал мох то только чуть-чуть, я перестал весить, не чувствовал своего веса, я был легкий и мне было хорошо и необычно.

Голоса, которые я слышал, тоже были необычные, дребезжащие. Все буквы в словах жужжали, как жужжит муха и комар. Грубый, жужжащий как у мухи голос разговаривал с другим комариным писклявым голосом. Я не открывал глаза, а только слушал, потому что они говорили про меня.

– Да это совсем маленький мальчик, надо разбудить и проводить его домой к людям – говорил грубый голос мухи.

– Нет. Он устал. Так далеко забрел к нам. Не надо его будить... – пропищал комариный голосок.

– Нельзя ему у нас в Волшебном лесу долго быть, пусть идет домой, его люди уже ищут – опять сказал мухин голос.

– Пусть он побудет у нас немного в гостях, дорогой Эльф. Ну, разрешите, пожалуйста! – пищал комариный голос в ответ. И много-много комариных писков присоединились к тому одному.

– Разз-решитее! Разз-решитее, пожалуйста – пищали сотни комариных голосов.

– Хорошо, хорошо. Но под вашу ответственность, дорогая

Фея Живинка, — согласился строгий мухин голос, — Я ухожу, оставляю его вам. —

И тогда я открыл глаза и сел. Я не чувствовал себя уставшим, наоборот, во всем теле я почувствовал легкость, как будто оттолкнувшись от земли я мог бы взлететь. И действительно, я не поднялся, как обычно, когда надо опираться на одну руку — потом на другую, поднимая свое тело. Я как бы проплыл по воздуху, оттолкнувшись от постели из «моха» (мха). И легко всплыл и покачнулся даже на ногах. Я парил над землей, нисколько не проминая мох, на котором стояли мои ноги. Если и проминал, то совсем чуть-чуть.

Это было необыкновенное ощущение. Но еще необыкновеннее было то, что я увидал: стоящего на пеньке старенького с белой бородой Эльфа и сидящую, свесив ножки с пенька красивую девочку, маленькую Фею. Они были настоящие, — такие, какими я их представлял в своем воображении, когда читал сказки.

Эльф был в сером плаще и у него торчали уши треугольниками с двух сторон седой головы. Он не сказал ни слова и быстро исчез, растворился, растаял в воздухе. Зато Фея поздоровалась со мной своим комариным голоском. Она была одета как большая кукла, которые я видел в магазине игрушек, и которые говорили «мама». На ней было голубое прозрачное платье, красные колготки, а на ногах синие туфельки, которые позвякивали как стеклянные, когда она ударяла ими друг об друга.

«Дзинь, дзинь» – Фея стукнула туфелькой об туфельку и сказала мне: «Здравствуй мальчик! Добро пожаловать к нам в волшебный лес!» – «Здравствуй Фея!» – поздоровался я в ответ. И тут же со всех сторон раздался многочисленный комариный писк: «Здравствуй мальчик! – Здравствуй...» – я увидел около каждого цветка маленьких Фей. Их было много, они махали своими синими прозрачными крылышками. Крылышки были как у бабочек: внизу два круглых, а сверху продолговатые.

Так я попал в гости к Феям и провел у них много времени, может быть много дней. Я увидел их красивые домики под листьями цветов на земле, ходил к ним в гости.

А старшая Фея Живинка, которая и встретила меня, провела меня в свой дворец. Стены дворца были стеклянные прозрачные. И вся мебель была во дворце прозрачная, из разноцветного стекла. Мы сидели на мягких прозрачных красненьких диванах. А на голубом столике стояли стаканы с желтым и розовым нектаром цветов. Мы пили нектар, и я слушал рассказы Феи.

Фея Живинка много-много рассказывала мне о волшебном мире природы. Но сейчас я мало чего помню, все осталось в моем подсознании: знаю, что природа живая и добрая. Помню я, как Фея Живинка говорила о цветах. Внутри колокольчиков и внутри других цветов живут Феи: они охраняют тычинки. А пчелы и шмели прилетают к цветку за нектаром и спрашивают у фей разрешения. И вы можете

заметить, что пчелы и шмели или жуки и бабочки не сразу садятся на цветок, – сначала зависают около него. И не сразу они лезут внутрь цветка за нектаром. Пчела или шмель останавливаются перед цветком и разговаривают с Феей, которая этот цветок охраняет. Они вежливо просят фею дать им нектар, а за это Фея дает им задание взять пыльцу и перенести на другой цветок для опыления.

Не зря насекомые зависают над цветами, прежде чем сесть и достать нектар. Просто нам, людям, не видно, что в каждом цветке живут маленькие Феи. Они в обычное время нам невидимы. А мне в тот день повезло. Я попал на волшебную поляну, где жила сама старшая Фея Живинка. Она оживляла всю природу весной после зимнего сна, а летом поддерживала жизнь всех растений.

Когда я узнал про цветы, потом еще много лет, учась в школе и после – я сильно переживал, что люди рвут цветы в лесу и на полях. Ландыши в лесах пропадают, их становится все меньше: потому что люди их рвут из-за денег – продают букеты на рынке. А некоторые рвут черемуху – даже ломая ветки. Ведь от этого погибают растения. Нельзя брать и уничтожать лесные цветы, – так я знаю с детства, об этом мне рассказали и научили Феи.

Очень долго я наверное был в гостях у Феи Живинки, но пришло время расставаться. И из своего стеклянного дворца она проводила меня к моему пеньку, туда же где мы встретились. А ходил я, все это время, только чуть-чуть при-

миная траву, — я был легкий и парил в воздухе, а Фея летела рядом. Мы очень быстро оказались около моего пенька. Меня провожали все многие феи.

Когда мы распрощались — я, вдруг, захотел снова спать и лег на зеленую перину «моха». Не знаю, сколько я проспал, но когда проснулся, было утро. Солнышко розовым цветом окрашивало вершины деревьев, сосен, елок и лиственниц. А на моей поляне было еще сумрачно. И в лесу еще тоже было темно, как глубоким вечером.

Как мне и советовала Фея, я пошел направо от пенька и вышел на лесную тропинку. Немного пройдя по ней, я оглянулся, чтобы проститься с волшебной поляной, где большие цветы и где я встретился с Феями. Но поляны не было. Вокруг меня был лес. Поляна пропала. И мне ничего не оставалось, как идти по указанной Феей тропинке.

Солнце постепенно встало и в лесу стало светло. Между елей и сосен появлялись березы и осины. Лес стал светлее, а впереди я увидел овраг. Овраг оказался неглубоким, в нем текла маленькая речка, совсем ручей — для взрослого, а для меня речка была препятствием. Надо было как-то ее перейти.

На другой стороне речки-ручья тропинка продолжалась. И тут я вспомнил последние наставления Феи Живинки, что надо идти вниз по течению речки и тогда я попаду к большой реке, где есть уже дорога к людям.

Но на другой стороне ручья на тропинку выскочил серый

заяц с длинными ушами. И он встал на задние лапы, а передними начал перебирать так, что мне показалось, будто он показывает вверх по течению ручья. Я взглянул в ту сторону и увидел, что через ручей перекинута бревно. Упавшее дерево лежало поперек, как мостик через ручей. Пока я смотрел — заяц исчез, я не заметил, чтобы он прыгал куда-то в сторону. Опять все казалось волшебным.

На той стороне ручья был другой мир. Там весело щебетали птички, будто приглашали меня. Они сидели на ветках — и кланялись и кланялись в мою сторону. Тогда я оглянулся и увидел, что тропинка вывела меня из густого дремучего леса к этому ручью-речке. А за рекой стоял светлый березовый веселый лес. И конечно, я быстрее побежал к бревну-мостику, чтобы оказаться в том светлом лесу и убежать из темного и страшного дремучего леса, где сосны и ели загоразживали даже солнышко.

«Лесовик»

Среди светлых березок, в невысокой траве красиво краснели ягоды земляники. И я, немного голодный, присел и стал кушать сладкие ягоды. Сначала собирал я по одной с кустика и клал красные сладкие ягодки сразу в рот. А потом стал собирать в горсточку, по 4—5 штук — и было вкуснее. Обобрав ягоды в одном месте, я видел их в траве невдалеке снова во множестве и перебегал туда.

И так я передвигался среди березок, углубляясь в лес и отдаляясь от спасительной речки-ручья. До самых сумерек я бродил затем по березовому лесу, где встречались и небольшие елочки. В этом лесу было хорошо и красиво. Мне попадались грибы. Разные грибы я не трогал, но знал, что можно кушать ножки у гриба «сыроежки». И я пробовал, кушал сыроежки с разного цвета шляпками. Красные шляпки мне больше понравились, а у желтых – ножки горчили. До самых сумерек я бродил, а когда солнце уже нависло над вершинами деревьев и в лесу стало темнеть, – сильно уставший, я залез под елочку. Под широкими еловыми лапами, на подстилке из серых иголок я быстро уснул.

Была темная ночь. В полной темноте слышались в лесу шорохи. А проснулся я, открыл глаза, от странных звуков. «Так-так, так-так», – и снова – «так-так, так-так», – звучал какой-то стук, где-то рядом. Как будто палочкой ударяют по палочке. Я лежал под елкой, и мне ничего не было видно. Но постепенно я стал различать в темноте ночи очертания деревьев. Немного в страхе я привстал и на коленках вылез из-под еловых лап.

Тут, в лунном желтом свете мне открылась полянка среди белых стволов березок. Она вся была наполнена огоньками. Светлячки освещали траву по всей полянке, придавая ей волшебный вид. А по кругу ходил небольшой человечек в шапочке-колпаке. Он-то и стучал палочкой по деревьям. Как раз он шел в мою сторону, когда я встал с колен, выбрав-

шись из своего убежища, из-под елки.

С белой бородой и с седыми волосами, старичок-лесовичок приближался ко мне. «Здравствуй, мальчик!» – добрым и немного дребезжащим голосом сказал мне дедушка. И весь мой страх пропал. И я понял, что опять попал в волшебный лес.

Как-то сразу я узнал, что передо мной Лесовичок. «Здравствуй Лесовичок!» – так и приветствовал я его. Это был невысокого роста дедушка, чуть-чуть только повыше меня. Он внушал доверие – улыбкой на морщинистом лице. И в лунном свете, на той ясной освещенной светлячками поляне, – мы стали с ним разговаривать о лесе и его обитателях.

Дедушка рассказывал мне истории про зверей: про зайчиков и про белочек.... Они выбегали из темноты лесной на нашу полянку, чтобы поздороваться с Лесовичком и со мной. И опять скрывались между березок в лесу. Прилетала сова с круглыми большими глазами. Садилась на ветку и ухала: «Угу, угу!». Приходили другие звери.

Старичок-лесовичок волшебным образом переносил меня в утренний лес сосновый, где показывал мне, кто там живет и как. Он прикасался к моему плечу – и, вдруг, мы переносились в густой еловый лес, где елки близко стояли друг к другу. А в другой раз мы оказывались на лугах у реки, где росли дубы, и под ними собирали желуди черные свиньи – кабаны. Много и много показал мне дедушка лесовичок.

В тот свой «поход» я узнал всю красоту природы. И это

помогало мне во всей моей дальнейшей жизни.

«Судьба» – окончание

Случайность существует лишь в нашей голове, в нашем ограниченном восприятии. В жизни не бывает случайностей. И чудеса бывают для нас от неизвестности. Быть может, это был сон маленького мальчика. Но столько знаний принес он в мой разум, – что, невольно, сейчас, мне кажется это чудо реальным. Все было со мной в действительности.

Существует понятие «де-жавю» – то есть, человеку кажется уже знакомым – событие, которое с ним происходит в данный момент. Будто бы он уже видел все это раньше, все, что происходит с ним сейчас, уже было когда-то. Вот так же было и со мной в школьные годы, когда я учил предмет Биологию. Я будто бы знал это раньше и знал даже больше, чем было написано в учебниках. И тогда я вспоминал своего старичка-лесовичка и то, что он мне показывал о жизни природы. Нет ничего прекраснее правды, кажущейся неправдоподобной.

Человека создает – Судьба. Мало кто понимает и верит, что мы не идем по жизни, а нас ведут по ней.

Жизнь в незнании – не полноценная жизнь. Кто живет в неведении, тот только существует, дышит, «небо коптит». Познания и истинная жизнь – нераздельные понятия. Так и мудрейший царь Соломон написал целую книгу о том,

что человек должен стремиться к знаниям. И так написано у него: «и предал я сердце мое тому, чтобы исследовать испытать мудростью все, что делается под небом: это тяжелое занятие дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нем». Стоит прочитать книгу мудрейшего Соломона. Эта книга в собрании книг, в Библии – «Екклесиаст» называется.

Человек имеет досадное свойство называть судьбой только то, что его «бьет по голове», что приносит ему несчастье. Но судьба различна. Тот, кто не верит в ход вещей независимых от человеческого участия, – только боится себе признаться в высшем и неведомом, он просто трус в душе. Кто не верит в Судьбу или в Бога – тот видит в нашем мире, среди людей, только беспорядок.

Сейчас, в основном повсеместно, людей не ценят по достоинству и хаос во всех жизненных перипетиях виден явно: и во власти и в отношениях между простыми людьми – кругом беспорядок. Откуда и взяться вере в Бога или в Судьбу? Это трудное дело.

Беззащитно сердце человеческое, что может его согреть? На это способна только Вера.

Все, что неожиданно изменяет нашу жизнь – это не случайность. Все содержится в нашем подсознании и только ждет любого внешнего повода, чтобы выразиться в действительность. Сколько таких случаев мы знаем, – когда пережив стрессовую ситуацию, человек, вдруг, открывает в себе

неизвестные раньше способности. То, вдруг, становится художником или музыкантом после аварии и после сотрясения мозга....

О судьбоносном подсознании говорит народная пословица-поговорка: на роду написано. «Написано», записано в подсознание человека его возможные способности, которые он сам может реализовать.

Как бы ни была жестока к человеку судьба, но иногда она дает ему огромные возможности.

Судьба бывает благосклонна более к тому, кто живет жизнью простой, чем к тому, кто предприимчив и стремится стать миллионером. И нельзя уйти от своей судьбы. Нельзя уйти от неизбежных последствий, когда человек начинает «спорить» с судьбой – принося сам себе беды и несчастья. Свою судьбу нужно принимать свободно и спокойно и стойко переносить и осуществлять. Ведь, все-таки – «человек делает свою судьбу своими руками» – хотя это сказано не мной, а еще древними мудрецами. Но мной подтверждено. Я так рано узнал о многих тайнах природы, о мире животных, деревьев и цветов. И я мог быть или биологом или «природоведом». Но не распорядился я знаниями, которые подкинула мне судьба.

Конец истории о заблудившемся мальчике известен. Тогда я брел по густому лесу, проходил болотца и буераки. Вырвался-таки на дорогу к людям.

Но в дальнейшем, постепенно забыл я про свои детские

приключения. Забылись и знания мои о природе, хотя главное осталось навсегда: любить природу я не переставал всю жизнь. Природа всегда дает силу человеческому духу. Нельзя человеку пренебрегать красотой и гармонией природы. В ней вся сила культурного и морального воздействия на человека – направлена на добро.

Конец.

Геологи рассказ

Вступление

Первое впечатление о человеке, часто, бывает отделено от последующего узнавания. И меня однажды приняли, как чересчур умного полиглота, говорящего на нескольких языках.

Человеку, всю жизнь говорящему на одном языке, даже опасно знать другие языки. (Это теория такая родилась в моей голове тогда). Все зависит, наверное, от способностей. Но вот, и Лев Толстой говорил без акцента и на английском языке и на французском он с детства был воспитан гувернерами. И говорил он на французском также естественно, как и по-русски.

Но если человек говорил и учился только на русском, – то «застрявшие» в памяти иностранные слова перебивают его мысли, он думает на русском языке, естественно! Они, эти иностранные слова, когда то узнанные, со временем утрачивают свое значение точное, и оттого не дают сразу уловить мысль. Эти слова будут прыгать в мозгу, как блохи и будут досажать, размывая смысл обычной русской фразы. Иностранный язык, таким образом, будет мешать человеку....

Часть 1

В деревнях сразу видно людей приезжих, чужих. Местные детишки сразу собираются поглазеть на приезжих. Тем более, что у колодца, в нижней части нашей деревни собралась толпа каких-то туристов с рюкзаками. И одеты они были необычно: в камуфляжные пестрые куртки, в такие же пятнистые штаны. А к рюкзакам были приторочены лопатки и альпинистские топоры с длинными ручками. «Туристы» набирали воду во фляги из колодезного ведра.

Стояла жаркая солнечная погода середины августа. Словно лето решило распрощаться, одарив ясными и теплыми днями. На небе ни облачка. В эту пору как раз началась страда, уборка урожая в колхозах.

«Туристов» было человек 8, не меньше. Мне было не видно сразу, когда я шел снизу деревни, возвращаясь с реки. Там мы купались около моста, по которому пылили колхозные машины с травой на силос. Дорога проходила в стороне от деревни, за огородами и пыль не долетела до улицы нашей. И ветра не было — дома и заборы закрывали улицу, а от этого в деревне было еще жарче, чем в поле или у реки!

Воды на всех не хватило, и ведро вновь опустилось в колодец, прогремев цепью. Ручку ворота крутил пожилого вида человек с бородой. Сразу видно было, что он «старший» в группе. А две молодые девушки и парень, в джинсах и фут-

болке с иностранными надписями, пытались что-то выяснить у маленьких мальчишек, что набежали, из любопытства, «поглазеть» на «новых» людей, зашедших в их деревню. Мальчишки-«дошколята» плохо знали русский язык. Они разговаривали на местном марийском языке. И «туристы» не могли понять их разговора, а «дошколята» не могли понять, что хотят от них «туристы», о чем они спрашивают.

В страдное время, во время сбора урожая все взрослые в колхозе были на полях. В деревне оставались только маленькие дети и пожилые бабушки и дедушки. Школьники тоже выходили в колхоз с родителями помогать работать! Так получилось, что спросить или узнать что-то было не у кого. А «туристам» нужно было узнать короткую дорогу. Это я понял когда подошел к колодцу и начал разговаривать со «старшим» из группы.

– Вот, наконец-то, один человек говорит по-русски! – обрадовался «старший», когда я поздоровался и спросил, куда они держат путь и «туристы» ли они.

– Ты местный, мальчик? – спросил меня пожилой бородатый мужчина.

– Нет. Я тут к бабушке приехал на каникулы. А так, я из города. Но я понимаю языки и мы у бабушек можем узнать дорогу. – ответил я «старшему».

Мы познакомились со всеми. Меня звали Серёжа, как представил меня Иван Иванович своим молодым спутникам. Аня и Алена, красивые и очень молодые, были школьницы

старших классов. А молодые ребята, мужики, были геологи-спелеологи. Я не знал что такое «спелеолог». И Рома, самый молодой, студент, тот в джинсах и в цветной, исписанной иностранными надписями, футболке, – стал мне рассказывать-объяснять, что такое «спелеология». Все геологи подошли к воротам нашего дома, наискосок, напротив колодца. Там была тень от забора. Все сели отдыхать на бревна, которые лежали у нашего забора слева от ворот.

«Эти бревна, уже ошкуренные, бабушка приготовила для постройки бани. Наша баня старая маленькая уже села в землю и бревна нижние все гнилые. Мы построим новую...» – так я объяснил геологам.

«Бабушка моя была учительницей раньше тут, а теперь на пенсии, но работает в колхозе. Её до вечера не будет. А я позову соседку и мы всё спросим» – предложил я Иван Ивановичу.

«А соседка по-русски говорит?» – тут же спросил он меня.

«Нет. Но я переведу всё, я умею по-ихнему разговаривать» – сказал я, убегая к соседнему дому.

Мы пришли вместе с «Зоя-ака» – с тетей Зоей. И вот, начался мой опыт «синхронного» перевода с одного языка на другой и обратно. Беседовали Иван Иванович и Зоя-ака, через меня, довольно долго, но зато – выяснилось всё что нужно. И короткую дорогу через лес, потом через овраги пояснила нам тетя Зоя, и рассказала историю, ради которой приехали геологи-спелеологи из города Ленинград!

«Йудым тиде лийын тунам, паллет!» – говорила Зоя-ака. И я переводил: «Ночью это произошло тогда, знаешь!» – и далее история, рассказанная тетей Зоей.

«Днем в поле пахал трактор. Весной было дело. А на ночь тракторист решил не уводить трактор на колхозный машинный двор. Тот был далеко, около кузницы, за речкой. Не выгодно гонять гусеничный трактор, и по мосту надо было проезжать в темноте. Трактор остался в поле, чуть не посередине его, там, где закончил пахоту колхозник, потому что стемнело. Домой он ушел пешком, в деревню. А ночью тряслась земля во всей округе, в деревне стекла в домах дрожали, говорила тетя Зоя. Никто ничего не понял, но просыпались все жители. Утром пришел тракторист на поле свое, но еще издали увидел, что трактора нет! А подойдя поближе на поле, он увидел огромную яму в земле. Глубокую очень. И внизу лежал трактор, казавшийся маленьким, такая яма была глубокая. Провалилась земля ночью, вот и трясло всю округу. И открылись пласты каменные, наслоения за миллионы лет стали видны. А внизу на глубине текла река, с шумом унося обрушившиеся камни. Вот оно как было, говорила тетя Зоя. Вызывали из города альпинистов, и они спускались и обматывали трактор тросами. Два крана пригоняли большие и вытаскивали трактор-то! Но не в тракторе дело. А там, где река вытекала, была большая пещера, уходящая вглубь земли. Альпинисты рассказывали и все деревенские знают. И в другую сторону, куда река течет – тоже проход большой, пещера

там».

Об этом провале, который был назван по имени деревни: «Пуморский провал» – и сообщили в Ленинградский институт геологии. Провал был глубиной около 40 метров и открыл все скальные породы. Поэтому Иван Иванович – профессор кафедры геологии и привез группу исследователей. Был летний сезон, и геологи все были в разъездах, так и получилось у Ивана Ивановича, что нашел он увлекающихся спелеологов. Школьницы из ближайшей к институту школы ходили в кружок спелеологов и тоже вызвались поехать. Исследовать надо было много, но хотя бы предварительно посмотреть и взять образцы, особенно интересные, какие попадутся. Поездка носила ознакомительный характер. Дороги у нас в колхозе все грунтовые. Автобус ходил только до райцентра. На попутке они доехали и до нашей деревни. А дальше, как туристы, с рюкзаками, пешком.

Рома мне уже рассказывал, что в пещерах бывают сталактиты и сталагмиты и бывают красивые пещеры.

И я попросился у Ивана Ивановича, чтобы они взяли меня с собой! Я им предложил переночевать у нас. А то, я слышал, они собирались ставить палатки и разводить костер. Пока суть, да дело, – подошла моя бабушка. Она будто чувствовала и пришла с работы на поле пораньше домой. Ей все рассказали, и она тоже пригласила всех в дом! Так у нас ночевала целая экспедиция геологов и спелеологов! Обещали взять меня с собой!

Часть 2

Дом наш был большой, старинный, «пятистенок», как все говорили. Его еще отец моего дедушки построил, давным-давно. К дому присоединялась большая «клеть», через сени соединенная под одной крышей с домом. Получалось 2 дома под одной крышей. Только дом был из толстых бревен и с высоким подпольем, в которое заходили с улицы, со двора, через маленькую низкую дверь, оббитую для утепления ватными телогрейками. Под клетью такая же дверь, утепленная и оббитая, вела в погреб-ледник. Там у нас хранились соленые грибы в низких кадках, а в большой бочке соленая капуста, придавленная на крышку большим камнем. Еще, там на полках стояли разные горшки с продуктами и банки с вареньем.

А в клети, из сеней вели три ступеньки лестницы. В сенях у нас не было потолка, и виден был чердак, куда вела уже высокая лестница в дальнем углу сеней. На чердаке всегда что-то сушили: траву и даже ягоды черемухи, расстилая их на фанере на газету.

И в клети не было потолка, видны были стропила и доски крыши. И в клети было темно, сумрачно, свет пробивался, узкой полоской освещая противоположную стену из небольшого окошечка во двор, одно бревно стены было разрезано. Это окно всегда закрывалось какой-то толстой тряпкой-хол-

стиной. В этот раз оно открылось надолго, пока будут жить «гости».

Справа у двери в клетки стояли огромные прямоугольные сундуки: один бабушкин красивый, оббитый по углам красиво вырезанными узорами пластинками железа и с рисунками цветов на крышке; другой дедушкин, в котором вместо вещей хранились мешочки с крупами и с сахаром колотым и с сахарным песком, там же лежали и сушки, купленные в магазине и маленькие и большие. А слева, где окошко, в клетки устроены были «полати», такая широкая длинная лавка, от стены к стене. На полатах хранились матрацы старенькие. На стене, над этой низкой широкой лавкой, на больших гвоздях висели тулупы, фуфайки, плащи и пальто, зимние куртки и полушубки, некоторые старые....

Вот на этих «полатах» и устроились все мужики-геологи, постелив все вещи для лежания. Бабушка принесла им простыни, чтобы накрыть вещи, и одеяла.

А девушкам уступили кровать в комнате за перегородкой у печи. А мы с бабушкой разложили диван, стоявший сразу у дверей.

Я лег к стене пораньше, чтобы пораньше встать. А бабушка еще сидела за столом под иконами, что-то читала, у нее горела настольная лампа. Но сразу уснуть у меня не получалось, столько много нового я узнал за сегодняшний день.... И я всё думал о разговорах геологов, вспоминал рассказ Ромы-спелеолога....

Это был шаг в неизвестность. И вот, «Провал», а что там, за ним «пустота». Какой длины там пещера? Куда ведут её галереи? Какие опасности ждут спелеологов? Их ждут тайны, которые подземное царство хранит сотни, а может тысячи или миллионы лет. И эти тайны откроются людям. ... Сон пришел неожиданно.

И так же неожиданно я проснулся. Непривычная тишина в доме заставило волноваться мое сердце. «Неужели проспал» – промелькнуло в сознании. И я соскочил с дивана. Заглянув за перегородку, в другой комнате я увидел чисто заправленную покрывалом кровать! Никого не было. И слезы стали наворачиваться сами собой, я готов был заплакать и, в конце концов, заплакал и вышел в сени, на ходу одеваясь. Натянул быстро брюки и накинул на плечи рубашку. В сенях стояли огромные рюкзаки наших геологов. «Может не ушли?!!» – с надеждой я подбежал к клетки. Но там тоже никого не было. Тогда я выбежал на крыльцо, надеясь на улице кого-то увидеть, но жаркое солнце уже поднялось над лесом и ослепляло. Прикрывшись от солнышка рукой, я посмотрел по сторонам, а двор тоже был пустой, никого не было. И тут затихший было, с надеждой, плачь прорвался. Я прямо зарыдал, заплакал как маленький мальчик: я был уже в третьем классе и считал себя «большим» и никогда бы не стал плакать. Но тут, – такая ситуация: меня же обманули, меня даже не разбудили. «Если не хотели меня брать с собой, ну и пусть! Так бы и сказали! А то – обещали и – обма-

нулии!» – я держался за перила крыльца и рыдал от обиды, от всего, что накатило вдруг....

Вот в таком рыдающем положении меня увидели первые мужики, входившие во двор с другой стороны, открыв калитку с огорода. Пришли все, один за одним. С ними была и бабушка. Первыми подошли ко мне, ускорив шаги, обогнав всех, девушки. «Ну, что ты, что ты! Мы только на разведку ходили» – успокаивали они меня. «Мы обязательно тебя возьмем с собой, ты нам вещи поможешь нести, оборудование....» – вытиравшему слезы кулаком успокоительно обещали мне девушки!

Часть 3

В доме быстро прибрались, девушки помогали бабушке. Собрали раскладной диван, убрали постель, простыни и подушки унесли в другую комнату, на кровать. Тут уже и чайник вскипать начал. Летом редко топили печку, а готовили на электрической плитке, которая стояла на тумбочке рядом.

А мужики все собрались за столом. В углу под иконами сидел Иван Иванович, «старший». И подводили они итоги «беглого» осмотра Провала.

Я тогда мало что понимал в научных терминах и в незнакомых словах. Помню совсем мало:

«Это известняковые пещеры периода Девона и Карбона. Подземная река выше ближайшего озера и той маленькой

речки в деревне метров на 10. Находится провал, который размыт подземной рекой в 2-х или 3-х километрах от речки в низине, от озера еще дальше. Возможно, что обвалы внутри пещер и весенние паводки от грунтовых вод размывали, затопляя, пещеры. Входы в пещеры от 5-ти до 3-х с половиной метров. И вытянута пещера с северо-запада...».

Вот и решили, как я понял тогда их выводы – идти к провалу и ставить там, рядом, в лесочке, палатки. Решили геологи не ходить в деревню и не «стеснять» нас в жилье. А иметь возможность заниматься Провалом от зари до позднего вечера.

Они попили чай с «сушками из сундука» (их надо было размачивать и поэтому поводу даже пошутили) и стали собираться. Меня позвал сам Иван Иванович и пригласил идти с ними. Бабушка отпустила с условием, что я к вечеру вернусь, до темноты. Рома вызвался помочь: «Я его провожать буду до деревни вечером, а то волки могут напасть!» – весело сказал Рома, похлопав меня по плечу.

Часть пути мы шли действительно через густой лес по узкой дороге. И овраг в лесу был завален валежником, буреломом. А потом пошла веселая березовая роща. И вышли мы на дорогу по краю поля. Дорога в обход леса и оврага точно делала большой крюк, и нам бы пришлось далеко идти. Это соседка подсказала, а бабушка утром провожала геологов до Провала.

Около Провала на лесной опушке геологи разбили свой

лагерь. Я помогал, чем мог: носился от Провала к палаткам. У палаток горел костер, и девушки уже варили в котелках еду, чай.

Вечером Рома проводил меня до деревни, когда начало уже темнеть. А утром, едва проснувшись, я наспех завтракал приготовленным бабушкой и сам уже бежал по знакомой дороге в лагерь геологов.

Они многократно спускались в Провал и ходили в пещеры. Занимались своим исследованием. Нас с девушками не брали пока с собой. Просился в пещеры не только я один, но и девушки-школьницы хотели увидеть красивые внутренние залы, прозрачные озера под землей! Ведь нам рассказывали у костра, те кто спускались, когда они приходили обедать.

Наконец такой день настал. Иван Иванович сказал: «В нарушение всяких инструкций пойдете в пещеру все трое. С вами пойдут – Денис, Рома и Захар. Я остаюсь в лагере, а у Провала наверху вас парни подстрахуют».

Иван Ивановичу надо было писать отчет о проделанной работе, и он обложился папками с бумагами. Прямо лежа на траве, он что-то писал.

Вот так я попал в другой мир, в «Подземное царство»!!!

Спуск у нас занял много времени больше часа. Река внизу оказалось холодной. И вокруг было прохладно. Недаром мы приготовили и надели свитера под низ курточек, в которых наверху нам было жарко. Река шумно журчала, неся свои во-

ды по камням. В пещере река была намного тише, тут было глубоко. Мы прошли прямой проход, пройдя берегом реки. Когда мы вошли в пещеру, нам открылся большой зал. Фонари только немного освещали темноту, и тем показывали, что это огромный дворец, заставленный большими и маленькими колоннами вдалеке.

Все своды покрыты инеем, который сверкал, такое ощущение, будто в сказку попал. Ледяные кристаллы переливались в свете фонарей. Ими можно было любоваться. Но у исследователей другая задача – постараться как можно дальше пройти вглубь пещеры. Мы же попутно видели свисающие с потолка, белые блестящие сталактиты. Пройти вглубь оказалось непросто. Не успели мы дойти до конца одного зала, неожиданный сюрприз – подземное озеро, да не одно, а сразу несколько.

Зная об особенностях карстовых пещер, спелеологи взяли в экспедицию подводное снаряжение.

Коридор уходил круто вниз к озеру и к другому залу пещеры. И спуск оборудования занимает еще час времени. Синяки на теле уже никто не считает: мы с девушками падали, спускаясь по сырым камням не один раз. Также не замечали мы слой гипса на одежде – это была, что называется, вековая пыль!

Прохождение неизвестной нам пещеры – это было отдельное испытание для нас. Чтобы добраться вниз, до озера, приходилось буквально ползти. Зато после того открывалось

нам нечто новое. Вода в озере настолько прозрачная, что до дна, кажется, рукой подать. На самом деле, – шаг в сторону и человек скрывается с головой. Это показал нам Денис. Он занимался в Ленинграде спортивным дайвингом и был, в своих кругах известен, как спелеоподводник.

Чтобы легче двигаться под водой, покоритель глубин взял с собой лишь два небольших баллона. Запаса воздуха – меньше, чем на час. А лимит времени погружения Денис уже исчерпал. Мы ждали его, и напряжение на «берегу» озера только нарастало.

«Видимо здесь есть объемы воздуха, и Денис по ним движется» – говорил Захар, держа в руках трос-веревку. Все осложняется тем, что эти ходы пещерные новые, и его ждет впереди неизвестность» – вторил ему Рома.

И вот, веревка-ходовик резко натягивается. На том конце пещеры, куда можно попасть только через воду, стал виден луч от фонаря. Денис пробыл под водой около 40 минут. Не без риска для жизни. В какой-то момент он даже застрял. Мы переправили Денису еще два баллона полные, а приняли от него пустые и он вернулся к нам. Узкие ходы, в одном месте даже запутался ходовик» – рассказывал нам Денис. – «Мутится все очень быстро, потому что ил, никого не было там никогда, туда проплыл, обратно уже ничего не видно».

Денис, однако, сделал уникальные фотографии. Повсюду в пещере обломки скальной породы. Жизнь у реки в пещерном царстве не стоит на месте – карстовые полости нахо-

дятся в постоянном движении. И в следующий раз пейзаж на глубине уже будет другим!

На этом большие мои приключения кончились. Я до конца экспедиции ходил к геологам, помогал им в малых делах, те же дрова собирал в лесу.

В то лето я мечтал быть геологом и спелеологом, но жизнь изменяется, и мои увлечения продержались недолго. Уже в следующее лето я увлекался другим. Но это другая история.

Конец.

Документальный рассказ (рабочее название Бабушки и внуки)

Объяснение

В немецком языке есть буквы с двумя точками над ними. Точки называются – умляут. Есть «а» умляут и есть «у» с двумя точками, умляут. Звук «у» умляут изображает промежуточный звук между «у» и «ю», почти «ю», но не «ю».

Такие же буквы есть в языке одного из малых народов, живущего в лесах Предуралья, в лесах таёжных. И названия деревень и названия рек на их языке трудно произносимы, потому что согласные звуки тоже отличаются своеобразием, как в немецком языке. Например, «н» и «г» совмещаются и произносятся вместе, получается новый носовой звук, такой, что русскому человеку и/или человеку другой национальности трудно произнести «нг», звук такой.

Например, слово означающее «любимый друг», (понятнее по английскому понятию – «бой френд»), звучит «танг» на языке того народа, – и последние две буквы произносятся одним звуком. Танг – мой друг, тангем – мои друзья.

Выучить местный язык можно легко, но вот определённые звуки, совмещённые буквы и буквы с точками произносить, научиться очень трудно, почти невозможно, поэтому чужого

человека, человека другой нации узнавали все местные сразу.

Местность

Среди лесов, от подножия уральских гор растущих, через весь край земли протекает река «Элнэт» с быстрым течением, потому что течет река под большим уклоном к равнине Волги-матушки и впадает в нее. И по этой реке раньше сплавляли деловой лес плотами, хорошие кедры и строевые сосны.

Рядом с рекой была в лесах деревня – «Элнэттюр», вот тут это самое у с двумя точками. Элнэт – название реки, а «тюр» – это краешек, край, как край стола, край доски. Смысловой перевод слова «Элнэтюр» будет такое: на краю речки Элнэт. А в дальнейшем всё окружающее носило отпечаток этой деревни: например, лес окружающий назывался элнэтюр чодра, где «чодра» – лес.

Ниже по течению реки, на крутом берегу реки, на горе стояла деревня Ерюмбал – Ерумбал, (потому что «у» с точками значит «ю»), которую люди неместные называли и Ерымбал из-за произношения. «Юмбал», вместо ю, звук «у» с точками, – означает «сверху». А «Ер» – значит река и вообще водное пространство, потому что и озёра называли «ер». Как раз напротив деревни Ерымбал было озеро Кугуер, где «кугу» означает – большое. Большое озеро в итоге.

А рядом с озером другая была деревня небольшая – Пюнчетюр, произносилось как «пюнчдедюр», буквы «ч» и «д» произносились вместе, особым звуком. В озеро Кугуер впадала речка маленькая, от нее деревня начиналась, поднимаясь на косогор. И эта же речка малютка вытекала из озера, петляя и неся свои воды через леса в реку Элнэт.

Деревня Пюнчедур (так произносимая) в переводе значила: пюнче – сосна, кедр, а «тюр» – как краешек полотна, как край подола платья, как край скатерти на столе. И получалось – край соснового лесного полотна, подразумевая, что сосновый лес за деревней огромный, как скатерть расстеленный по всей земле, и можно было пойти по нему до уральских гор и до самой Сибирской тайги, тут тайга и начиналась.

Чуть повыше по течению маленькой речки, метров 800, начиналась и другая деревня, под углом тянувшаяся от реки на тот же косогор – Юрдур (юртюр). Юр – в переводе дождь, а тюр, как известно – край, и выходило край дождя. Видимо дожди всегда приходили с этой стороны.

Обе деревни Юрдур и Пюнчедур в середине соединялись длинной улицей, образующей треугольник – Изи урем (изи – маленькая, урем – улица). В треугольнике были огороды стыкуясь заборами – от Юрдурских домов и от Пюнчедурских.

Изи урем, как гипотенуза треугольника, была больше и длиннее чем деревня Пюнчедур, в два раза, а длиннее Юрдура ненамного на домов 5 – 6.

Теперь нужно описать расстояния и расположение всего

этого, что мы только что узнали. Итак: течет река Элнет через дремучие леса. Среди лесов и заливных лугов – большая деревня Элнэтюр. А от нее в 10-ти километрах ниже по течению, на крутом берегу, на горе стоит деревня Ерымбал. От нее в 3-х километрах в стороне, на равнине, то есть надо спуститься с горы, находится большое озеро Кугуер. На другом берегу озера, у впадения маленькой речки в озеро, начинаются две деревни Пюнчедур и Юрдур, соединенные улицей Изиурем (ом).

От Пюнчедура до Ерымбала – 3 километра, учитывая подъем в гору, а минуя гору до Элнэтюра 12 километров.

И вокруг леса, леса и сосны, и везде леспромхозы и лесопитомники, Лес вырубает, и лес вновь сажают, везде в лесу делянки и посадки, где сосны растут рядами.

Люди

В деревне Пюнчедур, недалеко от начала её, через песчаное поле от реки, домов пять от края, в домах напротив, через дорогу, по которой по деревне ездили машины, пробившие колею в песке, – жили две пожилые местные женщины.

Одну, что в доме с правой стороны улицы, звали Андранватэ (ватэ – пожилая женщина). Другую, в доме с левой стороны – звали Миклай-кува (кува – переводится, как очень пожилая женщина, «старуха»).

И к ним приезжали внуки – уныка-шамыч (уныка – внук,

шамыч – множество, буквально). Они обращались к взрослым женщинам по местному выражению: по имени с приставкой «ака». Ту, что называли Миклай-кува (то есть женщина Миклая) на самом деле звали Анай-ака. А у той, которую называли Андрон-вате (женщина, жена Андрона), было имя Салика-ака. «Акай» – так обращались к девушкам молодым, это обращение сокращались, убиралось и-краткое на конце и звучало благородное ака: например Вероника-ака или Светлана-ака, – получалось выражение, переводимое как Вероника-тетя, то есть тетя Вероника или тетя Светлана.

Внука у Миклай-кувы звали Изэрге – буквально маленький сын, «изи» – маленький, эрге – сын. А внука у Андрон-ватэ звали проще – Роман.

А кроме этих, в деревне жили другие люди, колхозники и обращались они уважительно к двум пожилым женщинам-пенсионеркам: Анай-ака и Салика-ака, потому что только между собой можно было говорить немного пренебрежительно – женщина Андрона, или Андрона жена – Андрон-ватэ, и старуха Миклая – Маклай-кува, тоже сказать было нехорошо.

События

К приезду внуков обе пенсионерки готовились заранее. И по утрам выходили они поговорить.

Ранним утром, когда солнце еще только высывывало свой сверкающий край из-за леса, деревенский люд выгонял коров на улицу. Пастух щелкал кнутом вначале деревни, и проходил по улице, прогоняя и собирая выгнанных коров в единое стадо на другом конце деревни, и затем гнал их на выпас, через лесные поляны, к дальним заливным лугам у выхода маленькой речки из озера Кугуер. Надо сказать, что в деревенское стадо, кроме коров выпускали и овец и коз, и за этим мелким скотом одному пастуху было не уследить. Поэтому подпасками ходили деревенские мальчишки и двое и, в некоторые года, трое. Их родители посылали: и заработок небольшой и при деле, вроде как, а не бегают бездельником 14—15 летним.

Над воротами и калиткой, на высоких квадратных столбах, оббитых досками, длинная крыша. Она была так высоко, что в ворота под ней мог проехать воз сена на телеге. Ворота были не новые, доски серые, и незаметны узоры, вырезанные на них сверху: большой круг, шар, посередине, разделяющийся пополам на обе створки ворот и еще маленькие шарики на обеих половинках ворот только и были видны. Присмотревшись можно было узнать большую виноградную ветвь, с кистями ягод, изображенную по верху ворот, вырезанную из досок. Это Андрон построил, в свое время, такие ворота с узорами. Он был известный плотник по деревне и украшал ворота и дома местных жителей. Вокруг окон добротного, из толстых бревен, дома Андрона резные налични-

ки покрашенные синей краской радовали рисунком: и квадратики и ромбики в форме листьев на них вырезаны были рукой мастера. Окна многих домов в деревне были в его наличниках, которые делались по заказу жителей.

Андрон-ватэ открывала высокую калитку с резным верхом и выгоняла корову. Сама она становилась тут же на улице, опершись спиной о столб. А вслед за ней выходила собака и садилась у её ног, и выходила кошка и садилась рядом с собакой на задние лапы.

Пастух, прощелкав своим кнутом внизу деревни, громким звуком «выстрелов» сообщая о своем приходе, поднимался медленным шагом вслед за коровами, овцами и козами, которые выходили из ворот и калиток домов. И он каждый раз видел эту идиллическую картину: слева стояла у ворот «семья» Андрон-ватэ, а справа Миклай-кува со своей такой же семьей, провожавшие свою скотину.

Это надо было видеть: стоят две старушки, каждая у своих ворот, рядом у ног сидит собака, из стороны в сторону крутящая головой, а рядом с собакой кошка, также наблюдающая за идущей по дороге скотиной.

Миклай-кува провожала свою козу, коровы у нее не было. Анай-ака, прозванную как Миклай-кува, с которой первой поздоровался проходящий мимо пастух, он шел по ее стороне деревенской улицы, – на самом деле звали **Анна Ивановна Смирнова**. Пастух с большим уважением, с покло-

ном головы даже, приветствовал Анну Ивановну: «Поро эр лийже Анай-ака!» («пусть будет утро добрым» означало это на местном языке: поро – доброе, эр – утро, лийже – пусть будет).

Была когда-то Анна Ивановна молодой, здоровой, красавицей, не как сейчас, старенькой сухопарой и сутулой, с длинными руками и седыми волосами, проглядывающими из под платка, сбитого на бок при хозяйственных работах. Она была учительницей начальных классов в трехлетней деревенской школе в соседнем селе Ерымбал, что в трех километрах на горе. А потом трехлетку закрыли, и она пошла работать в колхозную полеводческую бригаду. Но и там она стала бригадиром и получала награды за выращенные сверх урожаи свеклы и капусты, и её портрет красовался на доске почета перед правлением колхоза.

Пастух пожилой мужик, родившийся сразу после войны, застал Анну Ивановну учительницей, тогда все деревенские дети учились у нее, и знал её бригадиром-полеводом, когда работал под её командованием – возил на поля удобрения. Как и вся деревня, он уважал Анну Ивановну.

И, наоборот, с легкостью и улыбкой махнул он рукой в сторону Андрон-ватэ: «Салам, поро эр Андрон-ватэ!» – сказал пастух и прикрикнул на коров своим обычным: «Эй-эх! Пошел!». Сразу же, словно заразился веселием, он щелкнул кнутом, проделав эквилибристические движения: два шага вперед, с заносом рукой кнута впереди себя на дорогу,

и, отступив на шаг назад, – резкое движение, дергание рукой в сторону, за спину. От чего длинная «веревка», прокинутая впереди дергалась в сторону, издав громкий звук «щелчка», в утреннем воздухе звучащего как выстрел.

Салика Эриковна Почмына – была типичной представительницей местной национальности женщиной, всю жизнь проработавшей в колхозе: и на фермах, в телятнике, и в полях, на прополке и уборке урожая. В молодости пухленькая круглолицая она была веселой заводилой и пела и плясала на всех национальных праздниках и, особенно на местных свадьбах, на которые ездила по всем близким деревням. И сегодня её считали «знатоком» знающим все обряды старины. У неё хранились свадебные одежды, и в клетях был сундук с манишками из серебряных монет, поясов с теми же монетами. Хранились цветастые платки и с вышивками сарафаны в шкафах стоящих в той же клетке. Она, в свое время, была активисткой художественной самодеятельности при деревенском клубе и часть костюмов и украшений передали ей на хранение. Любое мероприятие, например, «праздник цветов», начала лета и цветения проводили каждый год в первое воскресенье июня, а также свадьбы и другие мероприятия – все не обходились без участия Салика-ака. Она всё организовывала и сейчас, выглядя в свои пенсионные годы намного моложе своих лет. Она же, Салика-ака, одевала наряды девушкам и молодым женщинам к свадьбе: на грудь – манишку из монет, которые звенели во время танцев, и на голову

особые кокошники, также украшенные монетами.

Она же была заводилой и запевалой на свадьбах, учила пляскам и танцам молодых, всегда сама удивительно живая и веселая. Её муж – Андрон, мастеровой колхозный плотник и кустарь-резчик, тоже всегда веселил народ. Но он на всех праздниках и свадьбах непременно напивался. Его часто находили «в канавах» и приносили домой, и помер он рано, сгорел от вина, от местного самогона: первач бывало, гнали под 70 градусов, – вот и не выдержал организм от постоянных пьянок. Так Салика Почмына овдовела, когда только вышла на пенсию. Две дочери её, к тому времени, уехали в город, там вышли замуж и обзавелись внуками, которые приезжали на лето в деревню.

У Анны Ивановны тоже была дочь, которая жила в городе. Дочка пошла по её пути и, окончив пединститут, работала в школе, завучем. Она привозила внука Изэрге (бабушка настояла, чтоб так называли внука) к бабушке на всё лето. Муж Анны Ивановны был старше её намного, на 15 лет, и умер он своей смертью от старости. Он работал трактористом в колхозной МТС (машинно-тракторной станции). И хоронить деда приезжал семилетний внук, только пошедший в первый класс, зимой, в самом конце декабря. Тогда они встретили вместе Новый год: зять с дочкой и внук. Изэрге так просился, что родители оставили его на все зимние каникулы у бабушки.

Маленьким, он был в деревне только летом, а зима – сре-

ди леса и у речки, игры с местными ребятами, ему очень понравилась. Он ходил с ними кататься на деревянных самодельных дедовских санках. С крутого склона прямо на лед реки, по которому шустро и далеко катились разогнавшиеся санки. Со многими ребятами он подружился надолго. Изэрге полюбил деревню и деревенскую жизнь. Он уже не хотел ехать в пионерский лагерь, куда его один раз отправляли по путевке от профсоюза отец с матерью. И все другие годы он непременно ехал к бабушке в деревню на все летние месяцы каникул.

Обе пожилые женщины ждали внуков и, конечно, их разговор об этом и шел.

Разговор о внуках

Анна Ивановна и Салика Почмына подружились через внуков своих, которые по-детски были дружны.

И Рома и Изэрге были – «городские» и выделялись среди местных деревенских. Не только одеждой, а одеждой в первую очередь, например, в деревне никто из мальчишек не носил шорты, а у обоих «городских» на лето были шортики и не одни. Выделялись они и привычками и знаниями, например, телевизоров в деревне было немного, были, но не у всех, и мультики смотрели не все ребята деревенские, смотрели, но не все. А уж тем более, они не запоминали, не знали многие фразы и выражения героев мультфиль-

мов. Это особенно было заметно, когда Рома и Изэрге переглядывались между собой, заговорщически, когда Изэрге, а он больше всего любил острить, произносил какую-нибудь мультфильмовскую фразу, сказанную героем мультфильма. Изэрге мог напевать песенку мышонка: «Какой чудесный день, какой чудесный пень, какой чудесный я и песенка моя!». Рома легко его понимал, и они прыгали вокруг большого пенька на ярком солнце летнего дня. А в грустный пасмурный день, когда они сидели у окна и смотрели на лужи и на ручей, текущий по улице от проливного летнего дождя, Изэрге говорил и рассказывал наизусть из мультфильма про Винни Пуха, про Ослика Иа: «старый ослик Иа стоял на берегу ручья и размышлял о странностях жизни: «Странное зрелище, душераздирающее зрелище, кошмар!» – и он говорил это, выделяя букву «р», подделывая голос. – «Ослик переходил на другую сторону ручья и вновь смотрел в воду: «С этой стороны, ничуть не лучше, чем с той! А все почему? И-и по какому случаю? И какой из этого следует вывод?».

Изэрге очень нравились эти слова и само рассуждение Ослика из мультфильма со скрытым юмором. У Изэрге была отличная память, и он очень любил читать книжки. Про Винни Пуха он именно прочитал. И в этом была заслуга его бабушки, бывшей учительницы начальных классов. Это она читала с ним книжки с самого раннего возраста, сначала читала бабушка вслух, пока он сам не научился читать в 4 годика. У них в доме стоял книжный шкаф, и было много кни-

жек. Многие мультики показывали истории не так, как написано было в книжках. Про Винни Пуха, например, показывали Ослика стоящего у озера, а в книжке написано было про ручей....

После обычных приветствий и расспросов о делах и о хозяйстве, обе пожилые подруги вошли в дом Анны Ивановны пить утренний чай и отведать блинов, которые уже успела испечь шустрая хозяйка. Салика Почмына часто гостила в доме Анны Ивановны, и пока они говорили о хозяйстве: «кур накормила, и даже кошке молока налила, как корову с утра подоила», – Салика-ака распоряжалась с чайником и чашками на столе: налила чай в бокалы. Пока, в это время, Анна Ивановна около печи возилась с блинами: перекладывала часть их из большой стопки на блюде, на другую большую тарелку, чтобы поставить на стол. Блины она в печи оставляла, чтобы не остыли. И сели они за стол и говорили о внуках, вспоминая, что с ними приключалось, какие огромные переживания они доставили бабушкам.

Наш человек начинает разговор о том, что к нему близко в данный момент. И общий разговор у нас не идет «по накатанной дорожке», а перескакивает «с пятого на десятое», не как школьное сочинение по плану. Всплывает в разговоре слово, фраза-выражение, и вместе с ним всплывает воспоминание. Так и разговаривали бабушки: то об одном, то о другом, – слово за слово цеплялось, – спонтанно.

– Нынче огурцов посадила больше, уж очень внук их любит – сказала Анна Ивановна.

– Да. И у меня есть две грядки длинные – отвечала Салика-ака, – Но рассада у меня заболела, – не вся прижилась, погибли некоторые при пересадке. —

– Не в тот день ты, наверное, садила. На растущую луну надо было садить, – отвечала Анна Ивановна и спросила, «важное» вспомнив, – а как болезнь-то у твоего Ромы-то? Эта «рожа» ведь может и повторяться, не сразу вытравишь её. И медицина лечит плохо: одни антибиотики только. —

– Ох, Анай-ака! Нечего на медицину надеяться. Мы же, – ты помнишь, как позвали Эрченей-кува-то к нам? Тогда в бане парили травами какими-то. Дурман травой что ли примочки делали. И отвары из трав я делала, знахарка мне давала, – и Салика качала головой в чувствах, переживая за внука своего.

– Да уж. Эти национальные обряды ваши, что-то шептали – заговоры делали там, опасаясь я, – аж плечами передернула Анна Ивановна, будто из-за внутренней брезгливости.

– Ничё-ничё! Они, обряды-то старинные. Я их сама знаю много. Но только не по лечению, а всё только про женитьбу, да, как мужика найти, гадалки разные. От матери знаю все. А эта Эрченей-кува (эр – утро, чен – истина, точно), муж у неё колдун Эрчен был, – Салика даже наклонилась и перешла на полусшепот, понизив голос. – Она лечит всех давно, никто не знает, сколько ей лет, может, говорят, и лет 200 уже

живет эта Эрчен-кува! —

— Да, ну! Скажут тоже... — отвечала Анна Ивановна.

— Да. Она и травы собирает по лесу, да по оврагам. Там, за лесом у нас, в Тымаш-нуре (по-смыслу — дальнее поле, нур — поле) источник есть, Васлий-памаш. И вода там лечебная, говорят. А к этой Эрченей-кувай все люди ходят, со всех деревень, со всякими болезнями. Одну девочку, вон, с Ерымбала носили. Девочки почему-то чаще болеют такой «рожей» — краснухой. Её полгода врачи в больнице лечили и уколы и всё ставили. А эта «краснуха» или «рожа» — по рукам да по ногам пошла, и в подмышки залезла. Девочка у них всё плакала да плакала, руки опустить не могла: подмышками всё покраснело да опухло, было! Мать-то и забрала её домой, чуть только полегчало в больнице. Так и принесли с поднятыми руками. Эрченей-кува компрессы делала из прополиса и травы, с порошком, как мел такой. Это она из камней делает, около Васлий-памаша собирает мел тот. Вылечила ведь! И дней 10 не прошло! А уж язвы были, как чирьи! — рассказывала Салика.

— Да. Вот и у моего Изэрге чирьи были прошлый год. Купались они в августе, после Ильина-то дня, вот и выскочили на заднице ему! Как бы стал он в школе-то сидеть, за партой-то?! И я их протыкала все, чтобы гной выпустить. Быстро они созрели. А он скрывал еще, не говорил, молчал, пока уж сидеть не вмоготу стало. Я вот мазями, да йодом вокруг, мазала. И зажило, как на собаке! — вспомнила про своего

внука Анна Ивановна.

– Да! Собака-то наша, Мухтар наш черный, тоже ждет видеть! – за слово зацепилась Салика, – Он все лает на велосипед почтальона Андрашки нашего. Письмо привозил он, Андран-вачи наш (Андрей был почтальон деревенский, а «вачи» – так звали юношей, по смыслу переводится как брат: Андран-вачи получается – братец Андран, измененное от русского имени Андрей).

– Ага. Вот и мне Изэрге написал, что велосипед привезет на лето, по деревне кататься. Маленький ему купили – «школьник» такой, – сказала Анна Ивановна, услышав слово и вспомнив про письмо внука.

– Ой! Сам тебе пишет ещё? А мой-то не такой грамотный. Читать не любит. Ему на лето привозят даже учебники, чтобы готовился к школе, а он всё бегаёт. Не как у тебя: и читает и пишет письма! Такой умный растёт! – похвалила Салика внука Анны Ивановны.

– Ладно уж, хвалить-то. Вон уже и солнце выше поднялось. Пойдем, что ли поливать грядки. Сорняков нынче мало. Сухо весь май было, вот и не взошли, – вставала из-за стола Анна Ивановна, отставив выпитую чашку, – Брось. Потом уберу! – сказала она Салике-акай, которая взялась отнести свою чашку с ложкой на кухню к умывальнику.

– Ничего-ничего! – Салика —ака все-таки отнесла чашку и поставила на столик на кухне, – У меня там низинка есть, там и сорняков хватает, несмотря на жару.

Так и поговорили ранним утречком две пожилые бабушки. Во дворе их ждали две собаки: рыжая с подпалинами, пушистая Кнопка Анны Ивановны и черная гладкошерстная Мухтар. Собаки сидели рядом высунув языки, каждая смотрела на свою хозяйку: они были дружны со щенков.

Прибыли внуки

Прошло уже много времени с рассвета, роса с листьев деревьев и кустов смородины в палисаднике высохла, испарилась, свежий воздух утра высох и застыл, природа приняла свой неестественный, для этого времени года, унылый вид жаркого лета. Говорят, лето жаркое, если зима холодная и наоборот.

Природа периодически, примерно лет в сто или пятьдесят, меняется и делает нам сюрпризы. Зима была невероятно морозная, температура падала до минус 50 градусов, а уж под 35 и под 40 минус было чуть не все зимние месяцы. Это также было морозно, как при нападении французов, Наполеона на Москву. Когда войска французские, остались без должного снабжения продовольствием: так как дорог в России «отродясь не было» и все Белорусские леса были в болотах. А тут и природа зимой так подморозила, что оголодавшие французы вымерзли суровой русской зимой. Как будто специально было и 40 градусов и более. Но можно оставить историю в покое, что было – то прошло, а то можно найти

много совпадений и построить параллели и разные теории открыть: циклы и прочее.

А вот лето – против зимы, выдалось в тот год необычайно жарким и засушливым, что привело к пожарам, горели леса и торфяники.

И вначале июня дождей было мало. Когда Анна Ивановна направилась к колодцу, солнце уже поднялось над лесом за огородами и ярко осветило весь двор. Оставались в тени только грядки клубники в дворовом палисаднике, заслоненные высоким хлевом. Построен хлев перпендикулярно дому и почти примыкал к сараю, который, в свою очередь, был продолжением дома, торцом к улице поставленного, так, что крыльцо посередине его выходило во двор. Напротив крыльца через двор, сужая его, красивый невысокий плетень отделял палисадник, в котором росли яблоньки, вишни, и несколько больших кустов калины: «их дед из леса принес давным-давно», как бабушка рассказывала внуку.

Между хлевом, отделяющим огород, и между сараем была калитка, ведущая в огород. А в огороде, сразу от стены хлева шли грядки стройными рядами, за которыми уже картофельное поле начиналось.

Вот сюда-то и направилась Анна Ивановна с коромыслом на плечах с двумя ведрами воды. Она боком вошла в калитку, распахнув её настежь, так что та ударилась о лавку, с которой упали пустые лейки. У стены хлева сделан был навес

от дождя и лавка длинная под ним, на которой стояли пластиковые ведра с ковшом и лейки, приготовленные для полива. В другом конце длинной стены хлева – виднелась большая куча навоза, под окном, закрытым дощатой крышкой, в которое его и выкидывали. А за кучей бочка, прямо под дождевым сливом. Вода в бочке была, но Анна Ивановна накидала туда навоза, изготавливая «коровяк». – Это средство служило удобрением, и только раз в неделю, по ковшику черпая из ведра, она поливала под огурцы, под каждый корень. А капусту и другие посадки: свеклу и морковь, поливать надо было только раз в месяц.

У Анны Ивановны было много книжек о садоводстве и огородничестве. Даже выписывала журнал «Огородник». Так что всё у неё в огороде делалось строго по науке и приёмам, вычитанным из книг.

Огороды, вспаханные и засаженные картошкой, тянулись от домов к самому лесу и представляли единое поле, – не было никаких изгородей и заборов. Разделялись соседние друг от друга межой, – поросшей травой, непаханой тропинкой. По этим межам и ходили в лес и на дорогу, идущую вдоль лесной опушки.

Напротив огорода Анны Ивановны был поворот дороги, ответвление, уходящее в лес. Эта дорога лесная вела в район, и по ней раньше ездили молоковозы с фермы, пока не построили окружную дорогу через колхозные поля, которая хо-

тя и была лучше и ровнее, но была длиннее namного. Старая лесная дорога петляла между лесными оврагами, была короче, но со спусками и подъемами. Молоко перестали возить по лесной дороге из-за того, что оно взбивалось, пока его доставляли на Молокозавод, и окружная дорога по полям, в обход леса и оврагов затем и стала основной.

И по той, старой лесной дороге, которая начиналась, через опушку перед лесом, от огорода Анны Ивановны, – приехала грузовая машина, которая везла какие-то материалы для «кузни», ремонтной мастерской, что стояла около реки. Из кузова, остановившейся на опушке леса, машины спрыгнул отец, а Изэрге подавал ему вещи, сумки и рюкзак и главное велосипед «Школьник». Мама вышла из кабины грузовика. Поблагодарив шофера, они пошли к огородам через полянку, перелезли через изгородь из длинных поперечных палок. Изэрге вёз свой велик по меже, с трудом протаскивая через траву: сам шел протоптанной узкой тропинкой, а велик сбоку колесами давил высокую траву, чертополох и крапиву.

«Межу надо бы прокосить» – заметил отец, уже предвидя работу себе на выходные. Вначале огорода специально был посеян клевер, и он вырос уже высокий, готовый к первому покосу, – это трава для козы. А мама уже думала сходить в лес, – «прогуляться», уже могла быть ягода земляника на светлых лесных полянках. Июнь уже заканчивался.

Первый месяц школьных каникул Изэрге пришлось-таки

провести в пионерском лагере «Строитель», – путевку дали отцу на работе. И поехал он туда с большим неудовольствием. С 3-го до 28-го он был в пионерском лагере на озере Кичиер, и это особая история, достойная отдельного рассказа: как Изэрге не ужился с коллективом ребят сверстников своего отряда, и как он «убегал» из лагеря и бродил по лесу несколько дней. Его искали и нашли, когда он вышел из леса к неблизкой реке и по ней вышел к мосту, на дорогу в 10-ти километрах от пионерлагеря.

Это лето радовало Изэрге теплыми и даже жаркими днями. А велосипед, с таким упорством привезённый им, (как он мечтал в городе, что будет кататься по деревне на велике) почти совсем ему не пригодился. Когда родители его уехали, за воспитание Изэрге взялась бабушка. Она запретила ездить далеко от дома: «Если в лес поедешь, оставишь велосипед, потеряешь его. На речку поедешь, там мальчишки старшие сломают или утащат и украдут твой велосипед!» – говорила бабушка. Рома и Изэрге катались на велосипеде по очереди на улице, недалеко проезжая от домов и вверх и вниз по деревенской дороге. Изэрге слушался бабушку. Еще он слушался бабушкиных наставлений в том, чтобы на велосипеде внук ездил только по протоптанной дороге, потому что в песке может оказаться острый предмет (стекло или гвоздь) и тогда проткнуться покрышки на колесах, колесо выпустит воздух и ездить на велосипеде уже нельзя будет. Бабушка са-

ма накачивала насосом колеса велосипеда, Изэрге не смог, у него плохо получалось.

Так оно и вышло, колеса проткнулись, когда они ходили в магазин, в свой деревенский.

В первых числах месяца (с 3-го по 5-е) Андран-вачи, почтальон, привозил бабушкам пенсию. Вот он ездил на велосипеде далеко, правление колхоза и почта были в Ерымбале, на горе. Почтальон крепил большую сумку с газетами и журналами и ехал по деревням, в Юрдур и Пюнчедур, это был его участок.

Когда бабушка получила пенсию, она стала собираться в магазин, сказав, что купит конфеты для Изэрге. Но и он напросился, и захотел поехать на велосипеде. Бабушка тогда еще раз сделала внушение: «Где он оставит свой велосипед? Около магазина? А там проходящие мальчишки его утащат, украдут!». – Изэрге придумал что ответить: «Я тогда не пойду внутрь магазина с тобой, а буду вокруг кататься и тебя подожду».

Две деревни под углом сходились к речке, к мосту по дороге на Ерымбал. У реки была «Кузня» -мастерская, небольшая конюшня, со стороны Пюнчедура. А со стороны Юрдура было футбольное поле с воротами и небольшой деревенский магазин, который работал не всегда: продавщица жила в Юрдуре, и днем могла уйти надолго домой к себе, заниматься хозяйством. Но в день пенсии, о котором знала, магазин работал весь день. В магазине было всё вместе: тут же были

и крупы и зубная паста и мыло, тут же продавался хлеб, сушки и батоны – и гвозди и молотки, и пила с ножовками. А чего в магазине не было, – то можно было заказать: продавщица записывала, и из района привозили. Два-три раза в неделю привозили продукты и промтовары на машине-фургоне. Привозили в основном хлеб, и то, что заканчивалось, и что заказывала продавщица.

Вдвоем они пошли в магазин. Изэрге ехал на велосипеде: обгонял бабушку и уезжал далеко вперед, а потом возвращался к ней, объезжал её вокруг и вновь уезжал вперед. Так и катался всю дорогу кругами.

В конце деревни был небольшой пруд, – это яма, довольно широкая, всегда была заполнена водой и осока росла по берегам. А в тот год пруд обмелел, и осока пожухла и пожелтела. А илистое дно пруда, открывшееся на мелководных участках, высохло и потрескалось твердой коркой, как в пустынных солончаках.

Стояла страшная жара, а в воздухе висела какая-то марь, колеблющаяся дымка. Это от реки испарения воды ставили такую маревую завесу. Страдала вся природа: неслышно было кузнечиков в траве, и мухи и комары не летали, как обычно у реки, даже птиц было не слышно. Далекие звуки отдавались гулом, где-то проезжающая машина звучала на далекое расстояние.

Изэрге катался сначала по дороге к мосту и обратно, к магазину. К мосту, на небольшом уклоне, велосипед набирал

большую скорость, и это было интересно. А обратно, в горочку да по песку было трудно подниматься. И тогда он, в другой раз, решил прокатиться вокруг магазина. Он поехал по траве сзади магазина, и тут случилось то, что «предсказывала» бабушка. Кто-то из «алкашей» колхозных выпивал тут же за магазином и разбил бутылку. Изэрге не заметил осколки стекла сразу, увидел их только потом, когда проехал по ним и колесо велосипеда проткнулось об острые края стекла, лежащего в траве. Он проехал круг, до крыльца магазина и, уронив велосипед, вращал колесо, в этот момент бабушка выходила из магазина с сумкой с покупками, и тут Изэрге заплакал, глядя на бабушку и показывая рукой на проткнутое колесо. Это было горе, «великое» горе для маленького мальчика, – так, что бабушке пришлось его успокаивать. А купила бабушка самые дешевые конфеты, по 80 копеек за килограмм, – подушечки «Дунькина радость». Карамельки такие, обсыпанные кристалликами сахара, с начинкой повидлом внутри. Они были цветные: зеленые, желтые и оранжевые, еще и белые с полосочкой цветной посередине. Даже эти подушечки, две штуки за обе щеки, не могли успокоить горе Изэрге: он вел, тащил, свой велик и слезы катились у него из глаз, всю дорогу до дома он хныкал.

– Ничего-ничего, – говорила бабушка. – Будете с Ромой Почмыном на речку купаться ходить. Я договорилась с Женькой Яковлевым, – он постарше, они возьмут вас с собой в другой раз.

Пришел и Рома со своей бабушкой, и тоже горестно воспринял это известие: заднее колесо велика проткнулось. Салика-ака, между тем, разговаривала с Анай-ака о какой-то поездке. Можно было заплатить шоферу 5 рублей, и он их повезет туда и обратно. А собрались они ехать в Элнэ-тю-чодра, в лес, где на многих делянках растет много дикой малины. Поездка намечалась на выходной, который был уже завтра.

Лес и малина

Территория лесопитомника, примыкающая к реке Элнэт, была большая. А леса, начинающиеся тут, шли до самых Уральских гор. Это был еще смешанный лес, но тут были огромной площади сосновые леса, здесь начиналась знаменитая Тайга. И всегда на лесных вырубках высаживали ряды маленьких новых сосен.

Вырубки, открытые площади очищались, и пеньки с остатками земли и веток, бульдозерами сталкивались на один какой-нибудь край. Так образовывались валы, длинные бугры среди леса: посаженные деревья вырастали в большие стройные сосны, а валы зарастали травой и малиной. Кроме того малина росла на неожиданных лесных полянах в смешанном лесу, образованном березками и осинами.

В глубине сосновых лесов Элнэ-тю-чодра встречались овраги, и вдоль их краев росла еще и дикая смородина, и чер-

ная и красная.

В этот край богатый ягодами и решили ехать и поехали Салика-ака с Анной Ивановной. Они брали с собой обоих внуков. Шофер, согласившийся их возить на колхозном грузовике, пригласил еще двух женщин, своих соседок, а в кабине с ним ехала и его молодая жена. У каждого было по ведру, а у кого и по два ведра, взяли и сумки с провизией. Стройная команда погрузилась в кузов грузовика, где поставлены были лавки. У кабины и по боковым бортам тоже.

Всё было бы хорошо, но сначала лета объявлена пожаро-опасность лесов. Леса в этот год горели. И часто человеческий фактор был тому причиной. Говорилось, что и от брошенной стеклянной бутылки могла загореться трава: солнце палило со страшной силой, а вогнутое стекло от бутылки служило линзой и поджигало сухую траву, не говоря уж о брошенных окурках. В лес ходить было запрещено.

Страшные пожары были вокруг города и во многих районах. Дым от пожаров ветром сносило на городские кварталы. Горели торфяники, ранее осушенных болот. На дорогах и федеральной трассе от дыма утратилась видимость. А в городе от смога нечем было дышать.

Огонь лесных пожаров угрожал деревням и поселкам. Так, например, случилось великое горе: огонь из лесов вокруг посёлка Сурок перекинулся на дома. Ветром принесло из леса горящие ветки. Один за другим дома были охвачены

огнем, и вскоре горел весь поселок. Люди брали свои вещи, документы, и кто в чем одет, выбегали из домов. По улице ветром раздувало головешки и жаркое пламя, горели деревья вдоль дорог и тротуаров, полыхали палисадники и яблоневые сады на огородах. У людей, бежавших по улице, вспыхивала, загоралась одежда, огромные языки пламени от горящих домов лизали улицы. Жители бросились к единственному водоёму, к круглому озеру в центре поселка, они стояли в воде, кто по колено, кто по пояс с чемоданами и сумками. Пожарные машины не справлялись, пожарная машина поселковская сама загорелась. Огонь, распространяемый сильным ветром, спалил поселок дотла. Весь поселок превратился в кучи головешек и угля. Этот поселок был в 40 километрах от города. Потом понаехали скорые и пожарные. Жителей с ожогами увозили в городские больницы! Поселок полностью выгорел.

Все организации города посылали своих рабочих на тушение пожаров, была мобилизация населения. И со стройки послали на пожары отца Изэрге. Недалеко от поселка Сурок горели торфяники, сплошным дымом покрывая окрестности, что и в двух метрах не видно было ничего. Работали люди в противогазах. Бульдозеры прокладывали защитные полосы, разгребая землю, очищая землю от низкорослых деревьев, кустарников и травы, вдоль линии огня горящего леса. И один из тракторов провалился в яму с огнем, – торф внизу, под слоем почвы выгорел, и тонкий слой земли не вы-

держал вес трактора и рухнул, трактор провалился. Погибли два тракториста, выбраться из огненной ямы, как из пекла с горящими углями не было никакой возможности, яма была глубокая.

Деревня Юрдур находится далеко от города. По дорогам посмотреть километраж – 120 километров. До федеральной трассы – 60 километров и еще 60 километров по трассе. Так что около реки Элнэт не было в тот год пожаров. Однако, патруль егерей иногда стоял около поворотов с основной асфальтовой дороги в густые леса. А все съезды с дороги в лес были загорожены шлагбаумами, специально построенными.

Машина с толпой женщин в кузове проехала мимо поворота на деревню Элнэтиур, дома которой от дороги были видны. Потом проехали и поворот на лесопитомник, в который вели красивые железные ворота. А дальше повернули на грунтовую дорогу, ведущую в лес, и остановились у шлагбаума.

Идти пешком, от дороги в таежные лесные делянки было далеко. Шофер хотел было открыть шлагбаум, свежий из белых ошкуренных брёвен, некрашенный, – но он был заколочен на большие гвозди, поперечное бревно было приделано наглухо, и убрать его было нельзя, не сломав.

Оказывается, их машину увидели из домов лесопитомника и через пару минут к ним подъехал «козлик», газ-69, с тентом зеленого камуфляжного военного цвета. Сам егерь

приехал поинтересоваться. Егерь – этот пожилой мужчина оказался жителем Ерымбала, той деревни, где Анна Ивановна учила в начальной школе местных ребят, когда-то давно. И егерь её узнал сразу, он учился в школе у Анны Ивановны.

Когда он узнал, что они едут за малиной и, поддавшись на все просьбы и уговоры, егерь разрешил им ехать в лес. Предварительно сделал он внушение, что они не будут разводить костер в лесу.... Он показал шоферу, где можно объехать шлагбаум: надо было проехать под откосом дороги, по краю леса и там была едва заметная среди травы колея объезда главной грунтовой дороги.

Знакомство, а по простому – «блат», открывают многие двери, преодолевают многие запреты, и так было и есть и будет, наверное, всегда. По благу можно купить, приобрести, достать – любой дефицит. И пока никто не знает: плохо это или хорошо.

Один человек говорил: «посмотрел я как-то в энциклопедии слово дружба и не нашел его: есть остров Дружбы, есть футбольная команда Дружба, а дружбы будто бы и не бывает». А вообще-то «дружба» – это один из видов близких отношений людей. И дружба не всегда бескорыстна, очень трудно найти истинную дружбу.

Поэтому знакомство более часто встречается среди людей, бывает и «дружба» преследует определенные цели: деловые, основанные на общей деятельности; рациональные,

ориентированные на обмен знаниями и информацией; эмоциональные, связанные с удовольствием от общения; нравственные, направленные на взаимное совершенствование. В реальности эти цели обычно тесно переплетены. Отсюда и возникает – пресловутый «блат».

Лес прекрасен сам по себе. А лес, выращенный заботливыми руками, прекрасен еще более. Проехали на машине по лесной дороге мимо посадок-делянок, где сосенки, уже высокие и стройные, красивыми рядами радовали глаз. Остановились у первого тупика перед оврагом. Тут, около столба, на котором были обозначены участки, высадились. Решили держаться вместе, и пошли в лес. Первый малинник – это открытый бугор на большой старой вырубке. Тут все пошли собирать малину. Изэрге не отходил далеко от бабушки, у него было маленькое ведро – пятилитровое. Малины было немного, это был первый сбор, Изэрге заметил еще много зеленых ягод. Люди уходили всё дальше вдоль выруб-ки. А они с бабушкой немного отставали от остальных, впе-реди всех был его друг Рома.

Случилось так, что Изэрге перелез через бугор на другую сторону и там собирал малину. И вот тут произошло событие, имевшее далекие последствия, которое изменило отношение к жизни Маленького Изэрге. После этого он стал дру-гим человеком.

Пожары лесные прогоняли зверей с насиженных мест,

из мест своего обитания туда, где пожаров не было. У них в районе появились волки, рассказывали пастухи их видевшие...

А может быть, это было его постоянное место, – но малину собирали не только люди, в малинник пришел медведь. Он, наверное, давно видел людей, но не хотел уходить. И когда люди ближе подошли к месту, где он кормился – медведь решил их прогнать. Он приподнялся на задние лапы, и передние поднял вверх, показывая какой он огромный, и зарычал угрожающе. Он готов был броситься на женщин застывших и завизжавших от страха. А Рома, друг Изэрге, оказался ближе всех к медведю, и он мог первым пострадать, если бы медведь напал. Этот рёв, крик женщин – услышал Изэрге, который был с другой стороны малинника, недалеко от всех. Медведь уже шагнул пару шагов на задних лапах, как в цирке, и приблизился к людям на близкое расстояние. Рома стоял между женщинами и медведем.

Произошло всё быстро, в течении двух минут. Изэрге схватил палку, так удачно подвернувшуюся, с руку толщины, длинный ствол упавшего деревца, березки, – и побежал в сторону медведя, спасая в мыслях своего друга. Он кричал со всей силы: «а-а-а-а!», своим высоким голосом и поднял длинную палку над головой.

А медведь был готов уже упасть на все четыре лапы и одной передней лапой целился уже ударить замершего испуганного Рому, застывшего на месте. Медведь никак не ожи-

дал увидеть «воина» – Изэрге, который выскочив на бугор оказался выше его и еще палка в его руках угрожала его ударить. А еще и крик Изэрге. И всё это неожиданное – испугали медведя, и он изменил свои намерения. – Он упал на четыре лапы не вперед, а набок и побежал от людей через вырубку: «улепётывал» медведь, даже не оглядываясь, с огромной прытью так, что скоро потерялся из виду, скрывшись в лесу.

После этого начались «вздохи и охи» и причитания, разговоры женские. Салика-ака бросилась обнимать своего Рому, а Анна Ивановна поспешила к своему Изэрге. Другие женщины хвалили «победителя»: «молодец...». И рассказывали, как у них «сердце в пятки ушло» и так далее. Шофер же был чуть вдалеке от просеки, он не собирал малину, а ходил по лесу, разыскивая первые грибы. Он бегом прибежал к женщинам и услышал их сбивчивый рассказ об этом событии: как Изэрге прогнал медведя.

Люди решили, что уж больше медведь не придет, и успокоились и сели перекусить, попить чаю. Потом продолжили сбор малины. Под вечер у всех ведра были почти полные, и они приехали домой довольные.

О «подвиге» Изэрге на другой же день узнали все местные жители. Приходили к дому Анай-кува, к Изэрге-внуку, многие соседи. А один из ребят постарше, тот же Женя Яковлев, узнав, что у велосипеда проткнуто колесо, взялся его почи-

нить. У него самого был большой велосипед. Он снял колесо и унес его к себе домой, а потом принес готовое.

Изэрге и Рому стали брать с собой на речку, и все местные ребята стали относиться с некоторой долей уважения к маленькому Изэрге. Он стал, (получил эпитеты): «смелым», «героем», «истребителем медведей» и прочее и прочее. Конечно, он и сам поверил про себя, что он действительно герой и смелый.

Читателям самим можно додумать: кем вырастет наш Изэрге. Может он возгордится и задерет нос, и будет, после этого, ко всем относится свысока, поставив себя на пьедестал? А может обдуманно станет хорошим и смелым парнем, готовым прийти на помощь к людям, попавшим в беду.

Почему наш рассказ называется «документальным», а потому что эта история подлинная. История человека, история событий времени, в которое жил человек. И героев рассказа могли звать как угодно. Многие еще помнят прошедшее время и многие переживали нечто подобное. Поэтому рассказ наш, как документ, как свидетельство о недалеком пока прошлом.

Конец.

Петя Иванов

рассказ

Раннее утро. Темное небо, затянутое серым туманом, который всегда нависал над окраинами города в конце сентября. Двое парнишек вышли из калитки частного дома, поспешая к автобусной остановке. Они учились вместе в техникуме и спешили на занятия.

Это Петя Иванов снимал уголок в доме у хозяйки, и приютил у себя Сеню, Семена Глазьева, однокурсника, который остался без жилья. Сеню выгнала из общежития комендантша, за его многие проказы, которые он творил.

Родителей у Сени не было, и в детском доме он чувствовал свою ущербность, а потому и сопротивлялся приказам и наставлениям воспитателей. С детства он всё делал наоборот: говорили воспитатели, что нельзя воровать в садах у местных жителей яблоки, а Сеня подговаривал ребят детдомовских и они лазили по всем садам поселка, в котором был их детдом. Они знали на вкус – у кого яблоки кислые, антоновка, а у кого есть белый налив или ранетки. Говорили воспитатели, что нельзя купаться, когда все ходили на речку отдыхать, загорать: а Сеня отбегал в сторону от пляжа и купался до синих губ, мерз и трясся от холодной воды, но нырял с небольшого обрывистого берега в глубокий омут их маленькой речки.

Сеня учился достаточно хорошо, были даже пятерки, годовые, по некоторым предметам. Но после экзаменов в 8-ом классе всем детдомовцам предложили пойти в ПТУ или в Техникум. В Техникумы и то не во все брали восьмиклассников. Например, в Радио-механический техникум брали только со средним образованием. Сеня выбрал Сельхозтехникум, там они учились на факультете Лесной промышленности, где и познакомились с Петей.

У Пети Иванова отец был лесничим. И поступил Петя точно по направлению отца. А Семен Глазьев выбрал курс наугад, он узнал, что тут, на лесном, будут изучать трактора и машины для валки леса, вот и заинтересовался. В кабинете «Механики» стоял макет двигателя от трактора и по стенам висели плакаты частей двигателя в разрезе. Здесь они изучали материальную часть, «матчасть», как про себя называли. Еще, на практические занятия они ездили за город к гаражам. Там стоял Ангар, и за гаражами находилось опытное поле Сельхозтехникума. В ангаре были два трактора: один маленький «Беларусь», на котором учились кататься (вождению). А на второй трактор учились навешивать различные приспособления: держатель деревьев с пилой, для валки леса; для посадки саженцев большой прицеп был предназначен. Учиться на механическом было интересно.

После учебы они возвращались в свою комнатку. О ней надо сказать особо, потому как, хозяйка использовала сени, в которых устроила комнату. К добротному срубам дома при-

строена была дощатая большая комната. Разделена она была на коридор-прихожую и, сбоку, на две комнатухи. Одна комната под склад, а та, что примыкала к срубам, как жилая. В жилой стояла старая железная кровать со старым матрацем, стол у окна, а у входа печурка-буржуйка квадратная, обложенная со всех сторон кирпичами. Труба от печки тянулась под потолком к окну через всю комнату, и от неё тоже шло тепло.

Петя мерз уже прошлой зимой. Хозяйка выдавала ему по 10 полешек дров, протопить вечером. А под утро и вода в ведре, что на табуретке у порога напротив печки, покрывалась коркой льда.

С холодами октября и ноября, жить стало трудно, и решили они сами утеплить стены комнатки. Они со стройки утащили стекловату. Район частных домов сносили и застраивали панельными, – городок развивался. Оббили они все стены комнаты стекловатой и покрыли её обоями. Но все равно откуда-то дуло, из-под пола тянуло холодом и вообще, комната в сенях из досок была, скорее летняя. А к тому же, Хозяйка, не сказать, чтоб жадная, но была скупая и брала с них, студентов, по 15 рублей за аренду комнаты. Стипендия была 30 рублей, а еще надо было кушать, готовили на электроплитке, поставленной на столе, там розетка была и лампа ночная, под которой писали домашние задания вечерами. Сеня придумал дровишки у соседей воровать. Он через огороды прокрадывался и таскал полешки. Хозяйка один раз

увидела, как Сеня принес дрова домой, и похвалила, что он, типа, хозяйственный. В зиму они так и жили – с некоторыми «страданиями».

На выходные дни Петя уезжал домой, за 45 км от города, в свой лесной поселок. На озере «Черном» была небольшая деревня, и был Лесхоз и Лесопитомник. А вокруг озера, где песчаные некрутые берега, устроены были детские лагеря отдыха от различных городских организаций. Так, от завода была и турбаза, был санаторий Строитель от Стройтреста и другие.

Озеро было не очень большое и характерно, что посередине озера находился плавучий остров, с лесом на нем. Вода в озере была темная, потому что на дне его лежал слой листьев и хвои лесной. Вот и название от этой черной воды. В озеро втекала маленькая, в три шага, Черная речка, и она же вытекала из него с другой стороны. И деревня называлась Приозерная и лесхоз Приозерный и Лесопитомник, где работали все деревенские.

Однажды по весне надо было ехать домой, и Петя взял с собой Сеньку, на выходные в гости. Ехать было недолго, а отдыхать им сразу с утра не пришлось. Несмотря на выходной, отец Петьки поехал на Леспромхозовской машине по делам. Друзьям пришлось работать. Нужно было раскидать навоз по участку, по огороду, из хлева, где были и коровы и свиньи. После работы и после обеда Петя рассказал Сене про свои хитрые поделки.

Он с детства читал журналы «Техника молодежи», «Наука и жизнь» и другие. Потом он всякие новости проверял и слыл самодельщиком-изобретателем. Так как их дом стоял недалеко от маленькой речки, то и устроил там Петя гидроэлектростанцию, конечно маленькую. Но, – колесо вращалось от падающей воды реки. Устроена была небольшая плотина, речка «в три шага» была неглубокая, разве что весной разливалась. А уже от вращающего колеса стояла динамо-машина, вырабатывающая эл. ток. И это была довольно эффективная установка. Проведены провода были по столбам к бане, – а там стояли аккумуляторы, которые заряжались. И баня и хлев освещались за счет этой маленькой электростанции.

Увлечение техникой было у Пети не случайно. Он с детских лет ходил в Лесопитомник вместе с отцом. В Леспромхозе было много тракторов и разной культиваторной техники. Были делянки в лесу, где выращивали рассаду елей, пихты, лиственницы и сосны и другие деревья. Петя Иванов помогал рабочим, своим деревенским. И рассаду загружали в тракторный прицеп и просто на тракторах катался. Был трактор ДТ55 со щитом, который возил из леса бревна от срубленных старых деревьев. А другой ДТ75 – «Алтаец», для пахотных земель (как помнил Петя, было написано на щитке в кабине), он и занимался пахотой. А также к нему цепляли агрегат для посадки деревьев.

Зимой все люди Леспромхоза ходили в лес с мешками со-

бирать урожай шишек. Кто-то собирал еловые шишки, кто и сосновые. Потом, в участке Лесхоза, в подсобных помещениях, шишки лутили, вытаскивая из них семена. Так что все Леспромхозовские тонкости знакомы были Пете с самого детства. Так он всё рассказывал своему другу Сене.

Это было увлекательнейшее занятие по сбору шишек: шли они по заснеженному лесу, по колено в снегу пробирались к елкам и к соснам. Там у деревьев утаптывали снег. Работник одевал на ноги «кошки», приспособления для электриков. У сосен нет веток внизу и стволы, как голые столбы. По стволам сосен рабочие поднимались, цепляясь «кошками», к самым вершинам и оттуда стряхивали на снег шишки. Собирали шишки поздней осенью потому, что дожидались, пока созреют. После лета не все шишки были зрелые, некоторые еще зеленые висят. И только по снегу уже, точно все шишки были зрелые.

Они ходили к воротам Лесопитомника и видели трактора, стоящие на улице около домиков. Петя показывал и рассказывал Сене про работу Лесхоза.

К вечеру приехал отец Пети, и они пошли топить баню, стоящую в конце огорода. Потом, в первый раз, Сеня пошел в деревенскую баню париться вместе с Петей. Этот пар и этот жар, который Сеня не мог сразу выдержать, были новостью для него. Несколько раз он выскакивал из бани в сенки, чтобы охладиться. Петя же парился, хлестая себя березовым веником. И Сеню он отхлестал веником по спине.

Красные, пропаренные, они пришли к ужину. А на ужин был приготовлен большой рыбный пирог. Его приготовила Мама и сестра Петины. Выходной прошел отлично. И в город они приехали хорошо отдохнувшие.

Жизнь в городе для Пети была совсем непростая. Он не мог к нему привыкнуть. Обедать они ходили вместе с Сеней в столовую, брали комплексные обеды по 63 копейки. Вечером ходили в магазин, а дома варили сами, то пельмени, то рожки, то картошку. Но не только питание было причиной неудобства жизни.

Вот произошел случай, как они с Сеней попали к местной шпане. Дома у них не было даже радио. И Петя предложил сходить в знакомый ему магазин радиодеталей. Это в привокзальном районе, во дворах. Магазин так и назывался «Радиотехник».

Многие увлекались конструированием детекторных радиоприемников. Петя тоже много знал об этом. И детали для приемника: транзисторы, диоды, сопротивления, он покупал в том магазинчике, когда приезжал в город с отцом. Отец был не против увлечений сына, потому что Петя в поселке у себя устроил-сконструировал антенну, лучшую во всей деревне. Телевизор у них стал показывать лучше всех.

Итак. Они пошли после занятий в магазин радиодеталей. Там они купили набор, готовый приемник в разобранном виде. Детальки нужно было спаять и собрать приемник, этаким конструктор для радиолюбителей. Стоил приемник 10 руб-

лей. А еще Петя прикупил транзисторы и сопротивления, он знал, как увеличить мощность маленького приемника, добавив дополнительный «контур» в схему.

Когда они еще были в магазине, туда заходили двое парнишек и тоже смотрели детали, якобы. На самом деле они видели, как Петя рассчитывался за приемник, и видели, что у него еще оставалось денег около 20 рублей. И Сеня добавлял свои 5 рублей на приемник, который покупали вскладчину. Так, проследив, те парни быстро ушли. Ну, а на выходе со двора, за углом дома, Петю и Сеню поджидала уже толпа пацанов. Тут же их окружили и потребовали отдать деньги. А те двое, что были в магазине, сразу сказали, что деньги у них есть и даже в каких карманах лежат, – во внутренних, в пальто у Сени в блокноте и в куртке Пети в студенческом билете.

Старшие, здоровые пацаны завернули им обоим руки назад и держали их. А младшие начали вытаскивать из карманов всё, что у них было. Петя пытался сопротивляться, но державший его парень был намного сильнее. Вытаскивали документы и бросали их на дорогу до тех пор, пока не обнаружили деньги. Шпана забрала деньги и быстрыми шагами скрылась во дворах привокзального района. А Петя и Сеня остались подбирать разбросанные блокноты, студенческие билеты. Так они были ограблены.

«Вот тебе и город, и жизнь городская» – сказал Петя. «Вот окончу Техникум и поеду в Леспромхоз, – лучше в деревне

жить, чем в этом бандитском городе!».

Сеня остался совсем без копейки. Им только что выдали стипендию, сегодня, после занятий, – вот они и пошли покупать приемник. У Пети дома еще лежали деньги, которые ему давал отец. И до выходного, два дня, они прожили на те 8 рублей. А в выходные поехали снова в поселок Приозерный, к Пете в гости, благо, что билет стоил меньше рубля.

Была ранняя весна, конец апреля, лёд уже растаял. Маленькая речка разлилась и затопила лесные овраги и ямы. Над водой склонились вербы с беленькими шишечками и красный тальник с шишечками темными.

Они плыли на дощатой лодке-плоскодонке. Петя одним веслом направлял лодку по протокам разлившейся речки в лесу. С собой они взяли две «морды» – это сплетенные из веток приспособления для ловли рыбы. Петя знал, куда их надо ставить. Для этого им пришлось сначала переплыть все озеро, к камышам, к болотистому берегу, где речка вытекала из озера. Потом они углубились в лес затопленный водой. В одной из проток уже были построены заграждения, плетень с обеих сторон. И в узком месте, в середине протоки вода журчала, прорываясь в оставленный проход. Как раз туда и опустили они на длинной палке свою «морду». В стороне, в другом овраге был еще один плетень, перекрывший текущую воду, и там была поставлена вторая «морда». По этим протокам, по речке поднималась рыба из большой реки, что за несколько километров от озера. Маленькая речка, выте-

кавшая из озера Черного, текла через лес в ту большую реку.

Но на этом их прогулка не закончилась. Петя взял с собой корзину для грибов. «Какие еще грибы? Весной?» – недоуменно спросил его, еще дома, Сеня. «Увидишь. Сморчки будем собирать» – ответил ему Петя.

И вот, они оставили лодку, привязав её на импровизированной пристани из пары досок, недалеко от их огорода. Так далеко разливалась речка, аж весь лесок затопила, с километр от озера. Пошли они на ближайшие делянки в лес. Делянка в лесу разрослась посаженными небольшими сосенками и елями. В рост человека высотой, сосенки стояли ровными рядами. И тут, в песчаном междурядье, вылезли из песка сморщенные коричневые шляпки грибов. Быстро они наполнили корзину, а у Сени был пакет целлофановый, и тот тоже был полный. Сморчки росли кучно, по 5 и 6 и более в одном месте.

Вечером отмывали грибы от песка, потом пожарили, отдельно была пожарена картошка. Замечательный ужин получился.

Эти выходные настроили Петю на позитивный лад. И рыбы они наловили – обе «морды» были полные, когда на другой день они съездили на лодке и достали их из воды. А в понедельник с утра надо было вновь ехать в город.

Конец.

Сказки

Предисловие от автора

Сказки ложь, да в них... разума палата.

Многие знают старые «бородатые» анекдоты, например, и могут заметить, что рассказанный в новой обстановке тот же «бородатый» анекдот проявляет новый смысл. Если раньше значение его было одно, то сегодня у этого же словообразования. Вдруг, появляется новое значение.

Сказки всегда несли определенный смысл, зашифрованный в их текстах: как обычно, это добро дремлющее до поры до времени, проснувшись – побеждает распоясавшееся зло. Зло бывает наказано и торжество добра во всех сказках однозначно. Илья Муромец лежал на печи 30 лет и три года, а потом встал на защиту добра.

Есть глубокомысленные сказки, которые забыты или не до конца понимаются нашим временем, нашими современниками. Это как «катрэны» Нострадамуса, есть такие сказки, которые требуют расшифровки.

Всё это понимается просто. Но каждое поколение и в каждое новое время, в новой общественной обстановке, ищет свои смыслы, придает свои толкования старым сказкам. Ос-

новным, однако, остается одно — добро всегда побеждает зло!

Каждый художник слова (писатель) приносит в литературу новые темы и образы, создает новые идейные и эстетические ценности. Пути творческого самоопределения писателей, обладающих ярким дарованием, разнообразны, многолики. Часто и крупные таланты не сразу, с большим трудом обретают свой «голос». Но почти все, многие, обращались к народному творчеству, к сказкам и мифам, по-своему передавая опыт поколений.

Большой ученый, который составлял сборники сказок и написал к ним свои комментарии Александр Николаевич Афанасьев. Он был избран в члены Русского географического общества по отделению этнографии. Без него сокровища фольклора могли затеряться, погибнуть. Фольклор, много веков, по традиции, устно передававшийся от поколения к поколению, в середине 19 столетия вступил в кризисную пору, когда потревоженная социальной новизной творческая мысль народа устремилась на новые предметы — и полноценное искусство рассказывания сказок стало встречаться всё реже. Афанасьев своим изданием сборника сказок спас от забвения для будущих поколений ценнейшие произведения народного искусства. Сказки сохранили всю глубину смысла, богатство вымысла, свежесть выраженного в них народного нравственного чувства, блеск поэтического стиля

народа.

Сегодня наше общество претерпело ряд больших перемен, сместились многие понятия, потеряны некоторые понятия и нравственности и добра. Воистину время наше резко переменялось: мы забыли и не знаем своих сказок, былей и присказок.

А между тем, все писатели обращались к народному творчеству, к сказкам, многие прямо заимствовали сюжеты из фольклора старинного, чтобы донести их смысл до современников.

Так, знакомясь со сказками, изданными Афанасьевым, мы с особой радостью можем заметить в них всё, что прямо и тесно связано с творчеством великих русских писателей! Открываются корни их творческой работы с народным фольклором. В сказке «Шабарша» мы узнаем давнего знакомого – Пушкинского Балду. В другой сказке (из цикла «Не любо – не слушай») мы встретимся и с прозвищем попа, которым воспользовался Пушкин: «толоконный лоб».

Сравнение Афанасьевских текстов с Пушкинскими сказками обнаруживает не только сходство, но и различие: а это свидетельствует о перемене в общественном сознании, – в каждом варианте по-своему сочетаются и видоизменяются традиционные элементы.

Афанасьевская сказка «По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре» близка другой сказке Пушкина – о царе Салтане. Здесь – и эпизод с тремя девицами, которых под-

слушал царь, и мотив зависти старших сестер, и те же их злые дела. Из сказок этого же типа Пушкин заимствовал и образ кота-баюна. Пушкин преобразил фольклорную сказку, но связь с вымыслом и стилем народным ясна и очевидна.

Традицию рассказов Н. В. Гоголя мы тоже встречаем в собранных Афанасьевым сказках. Эпизод «Майской ночи, или утопленницы» взят из народной сказки о нечистой силе.

В Афанасьевской сказке «Жар-птица и Василиса-царевна» мы без труда узнаем «Конька-горбунка» Петра Ершова. Можно не сомневаться в том, что сказка С. Т. Аксакова «Аленький цветочек» вышла из народных сказок. Или достаточно сравнить другую сказку, «Лихо одноглазое», с одноименной сказкой К. Д. Ушинского, тотчас станет очевидной их текстуальная связь.

Таких встреч писательского творчества и сказок народа на страницах Афанасьевского собрания немало. Великие современники Афанасьева держали в памяти образцы сказок из сборника его – такие, как Лев Толстой, а равно и замечательные художники, пришедшие в литературу позже, среди них: Д. Н. Мамин-Сибиряк, М. Горький, И. А. Бунин, С. Я. Маршак и другие.

В переменившееся время очень важно не потерять связь с народным, выработанным столетиями, смыслом понятий добра и зла, смыслом жизненных ценностей. Всё это есть в наших сказках, которые непонятны нашему поколению и кажутся устаревшим «пережитком» прошлого. Они тре-

буют пересмотра – «расшифровки», как расшифровка «катрэнов» нострадамусовых. В сказках смысл тоже не всегда очевиден, и его нужно донести до современников, в новых – им понятных выражениях, ничуть не меняя. Вот тут и будет трудность. Вот тут и будет работа для писателей!

Обстоятельства нередко складываются таким образом, что и высокоодаренный, талантливый молодой писатель затрачивает огромные усилия, чтобы открыть свое истинное призвание, понять и увидеть в жизни эпохи то новое и общее-интересное, что глубоко волнует читательскую аудиторию. Он испытывает горькие чувства боли, сомнений и обид, которые выпадают на долю замечательных художников слова при их вступлении на литературное поприще.

И нужно заметить, обратить внимание, как определяли пути творчества различные именитые писатели. Взять на вооружение их высказывания, сделать выводы для себя и это может много объяснить и может помочь начинающим писателям обрести и себя и «свое слово», свою стезю.

Вот как видел, например, Лев Толстой, вот его взгляд на литературу:

«Мыслитель и художник, – писал Толстой, – должен страдать вместе с людьми для того, чтобы найти спасение или утешение. Кроме того, он страдает еще потому, что он всегда, вечно в тревоге и волнении: он мог решить и сказать то, что дало бы благо людям, избавило бы их от страдания, да-

ло бы утешение, а он не так сказал, не так изобразил, как надо; он вовсе не решил и не сказал, а завтра, может, будет поздно – он умрет. И потому страдание и самоотвержение всегда будет уделом мыслителя и художника».

Тревоги и волнения, непрестанный поиск истины и напряженный труд, как считал Толстой – есть постоянный спутник творческих свершений. Известно, с какой неиссякаемой энергией он отделявал, шлифовал свои произведения, часто перерабатывал их от начала до конца по нескольку раз. И уже после того, как они поступали в печать, писатель в корректуре обычно подвергал их вновь и вновь очень существенной переделке.

То есть работать надо над своими произведениями со всей серьезностью. Раз.

А вот, что требуется от художника, писал другой именитый писатель, Достоевский: «не фотографическая верность, не механическая точность, а кое-что другое, больше, шире, глубже», – нужны писателю, он считал. «Точность и верность нужны, элементарно необходимы, но их слишком мало; точность и верность покамест еще материал, из которого потом создается художественное произведение.... Эпического, безучастного спокойствия в наше время нет и быть не может, – говорил Достоевский, – если б оно и было, то разве только у людей, лишенных всякого развития и одаренных чисто лягушачьей натурой, для которых никакое участие невозможно, или, наконец, у людей, вовсе выживших из ума.

Так как в художнике нельзя предполагать этих трех печальных возможностей, то зритель и вправе требовать от него, чтобы он видел природу не так, как видит её фотографический объектив, а как человек». — Это из полного собрания Достоевского, Госиздат, 1930, том 13, стр. 531—532.

Жизненная правда в творениях искусства не существует вне индивидуального видения свойственного каждому художнику.

То есть, собственная фантазия должна быть в произведениях писателя. Это два.

Своеобразие творческого видения жизни само по себе вовсе не противостоит отражению существующей реальности. И вот, в несколько ином плане об особенностях, характеризующих подлинного художника, говорил Тургенев: «Важно в литературном..., да, впрочем, я думаю, и во всяком таланте, то, что я решил бы назвать *своим голосом*. Да, важен свой голос. Важны живые, особенные, свои собственные ноты, каких не найдется в горле у каждого из других людей.... Для того, чтобы так сказать и эту самую ноту взять, надо иметь именно такое, особым образом устроенное горло. Это как у птиц.... В этом и есть главная отличительная черта живого оригинального таланта».

То есть передать события, рожденные в голове образы, нужно так, как ты видишь, — индивидуально. Может быть другие, стоявшие рядом, видели иначе, пусть даже многие видели иначе, но вот ты увидел не как все. **Своеобразие,**

и это будет – три.

Итак, что мы имеем: 1 труд над словами, над фразой-выражением, над словом, – а это чисто школьная наука, которой надо учиться; 2 фантазия, – выдумка, но не абстрактная, а придумки реальных событий и действий, которые могли бы быть, могли произойти; 3 своеобразие, – так как видишь и представляешь ты, тесно связано с фантазией.

У каждого писателя свои формулы и решения. Каждый вырабатывает свой язык повествования, но это уже другая история.

Конец.

Про Змея Змеевича

*«Говорят, в старину всё удалыцы-мОлодцы
рождались, А нам от них только сказочки
остались».*

Слыхали ли вы о злом-презлом Змее Змеевиче, его еще Горынычем звали, и трех головах сказывали? Ежели слыхали, так вы знаете, какой он по нраву своему и по виду своему страшный и непобедимый. И в колдовстве и магии замечен был тот Змей.

И было, что Змей тот обернулся и прикинулся молодым красавцем, удалым удалцом, и стал хаживать и ухаживать за самой княгиней-красавицей. А была та княгиня по образу красива, черноброва и ликом светла, но характером спесива и совсем недобра. К честнЫм людям, бывало, слова доброго не кинет, а простым людям к ней и доступу нет. Все со Змеем-молодцем своим: ши-ши-ши! — шепталась, а о чем? — кто их ведает!

Князь-супруг её, Иван-королевич, по обычаю царскому и дворянскому занимался охотой. И охотился знатно и постольку увлеченно, что всем охотникам не чета! Не только собак своры, и не только соколы и ястреба служили ему верой-правдой, но и звери лесные и лисицы, и зайцы, и птицы свою дань приносили князю-охотнику. Кто чем жил-масте-

рил, тот тем ему и служил: лисица хитростью, заяц прыткостью, орел крылом, и ворон клёвом и разумом.

Словом, Князь-княжевич Иван-королевич со своей охотой был неодолим, страшен был и самому Змею-змеевичу. А тот змей такой был горазд, что и всех было, покори́л, но вот с князем ему промашка выходила.

Сколько задумывал, сколько пытался он (Змей) истребить Князя: и так и сяк, – а всё не удавалось! И тут княгиня подсобить захотела Змею-молодцу своему ухажёру. Завела она под лоб ясные глазки, опустила плетьюми свои белые ручки, слегла больной сказавшись. Муж Князь испугался, хлопотать начал: чем лечить болезнь неизвестную?

– Ничто меня не поднимет – говорила княгиня, кроме волчьего молока; надо мне тем молоком умыться, тогда и излечусь, может быть. —

Пошел Князь за волчьим молоком к логову волчицы, да взял с собой всю «охоту» свою, егерей со сворами собак и стрельцов всех своих метких. Увидала волчица Князя-княжевича – в ноги ему повалилась, жалобным голосом взмолилась:

– Князь-княжевич Иван-королевич, помилуй, что прикажешь – всё сделаю! —

– Давай своего молока! —

Тотчас она молоко для него принесла и в благодарность еще волчонка подарила. Иван-королевич волчонка отдал в «охоту» свою, а молоко принес жене. А жена, было, на-

деялась: не достанет муж молока и пропадет! Но коли он пришел – и нечего поделать, умылась она волчьим молоком, с постельки встала, как ни в чем не бывало. На что муж обрадовался.

Долго ли, коротко ли, слегла она опять, притворилась захворавшей и умирающей.

– Ничем, – говорит, – мне нельзя помочь; надо за медвежьим молоком сходить, в чащу-чащобу. —

Иван-королевич взял опять всю свою «охоту» и пошел в Чащу-чащобу искать медведицу-царевну. А медведица та, зачуяла беду издалека, пришла и в ноги повалилась, слезно взмолилась:

– Помилуй меня Иван-королевич, что прикажешь – всё сделаю! —

– Хорошо, давай своего молока! —

Тотчас она молоко принесла и в благодарность медвежонка подарила.

Иван-королевич опять возвратился к жене целый и невредимый.

– Ну, милый мой, – говорит княгиня, – Сослужи еще службу, в последний раз, докажи дружбу свою, принеси мне львиного молока – и не стану я хворать, стану песни петь-распевать и тебя всякий день забавлять! —

Конечно, хотел Княжевич Иван-королевич видеть жену здоровой, веселой; и пошел он искать львицу-царицу. Дело это было не легкое, зверь-то этот заморский. Взял он вновь,

всю свою «охоту» и всем зверям наказал искать львицу: волки да медведи рассыпались по горам, по долам, ястреба и соколы поднялись к небесам, вороны разлетелись по лесам и по кустам. – И львица найдена была, как смиренная раба, припала к ногам Ивана-королевича.

Принес Князь и львиного молока. Жена поздоровела, повеселела. А опять его просит, очередную хитрость придумав:

– Друг мой, друг любимый! Теперь я здорова и весела, а еще бы стала я красавицей первой, если б ты потрудился достать для меня волшебную пыль такую: лежит она за двенадцатью дверями, за двенадцатью замками, в двенадцати углах Чертовой мельницы, горы такой! – говорит она.

Князь пошел – видно, его была доля такая! – подумал.

Пришел он к горе той, к Чертовой мельнице, – а там вход в Замок пещерный. Все замки сами размыкаются, двери сами растворяются, и вошел Князь и вся «охота» с ним. Набрал он волшебной пыли, идет назад, – а все двери за ним затворяются, все замки замыкаются. Он вышел наружу, а вся «охота» под землей осталась: рвутся, шумят они, кто зубами, кто когтями ломает двери. Князь постоял-постоял у горы, подождал-подождал и с горем воротился один домой. Тошно у него было в животе, холодно на сердце. Пришел домой, – а там жена бежит и весела и молода, во всем дворе (в царстве) Змей Змеевич хозяйничает. И говорит ему Змей:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.